

ЛЕВ ЗАРХИН

ПЕТЛЮРОВЩИНА
ПЕРЕД СОВЕТСКИМ СУДОМ
(ДЕЛО «СОЮЗА ОСВОБОЖДЕНИЯ УКРАИНЫ»)



ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКЮ УССР
ХАРЬКОВ

1930

Бібліографічний опис цього видання
вміщено в „Літопису Українського
Друку“, „Картковому репертуарі“ та
інших покажчиках Української Книж-
кової Палати.

„Укрполіграфоб'єднання“
Третя друк. ім. Фрунзе.
Харків, Дон.-Зах., -б.
Укрголовліт 4428.
Зам. 1758. Прим. 3.000.

130
100

Вместо введения

Суд над петлюровцами из „Союза освобождения Украины“¹⁾ закончился. Петлюровщина осуждена. Осуждена не только пролетарским судом, но и трудящимися массами Украины и всего Советского Союза. Социально-политическая физиономия петлюровщины в достаточной степени раскрыта. Позорно разоблачена самими так называемыми „вождями“ и министрами УНР из „Союза освобождения Украины“. Лицемерная маска украинских националистов „освободителей“ украинского народа ими же сорвана. Ефремов, Чеховский, Гермайзе и др., претендующие на политическое руководство Украиной, являются опереточными героями и показали себя во время судебного процесса, как жалкие трусы и беспринципные клеветники. Как известно, идейно политические руководители „Союза освобождения Украины“ (СВУ) являются убежденными сторонниками и последователями политики Петлюры. Об этом даже говорил Ефремов, который в своих показаниях подчеркнул, что он „расчитывал своей организацией создать Петлюре нерукотворный памятник, как национальному герою“.

„Союз освобождения Украины“ поддерживал тесную связь с буржуазными иностранными государствами и являлся агентурой западно-европейского империализма. На суде неоднократно подчеркивалось, что петлюровцы из СВУ хотели превратить Украину в колонию Польши или европейского империализма. Об этом говорили суду в своих показаниях весьма красочно руководители СВУ и министр иностранных дел УНР Никовский. Раскрытие этой организации вызвало негодование и возмущение широких слоев населения Украины и Советского Союза. Раскрытие этой организации получило также широкий отклик и в Западной Европе.

В Польше украинские фашистские студенты устраивали демонстрации против Советского Союза и нападения на наши

¹⁾ „Спілка Визволення України“.

консульства при полном попустительстве польских властей. Буржуазная пресса Западной Европы во время парижского процесса убийцы Петлюры осудила петлюровщину, как кучку бандитов и оправдала убийцу Петлюры — Шварцбарда; теперь же буржуазная печать хочет представить эту разоблаченную петлюровскую организацию, как жертву большевизма. На скамье подсудимых сидел так называемый „цвет“ буржуазной украинской интеллигенции, которая заранее была разрекламирована в капиталистической и социал-фашистской печати всего мира. Сидели бывшие министры украинской народной республики, у которых не хватило смелости защищать перед пролетарским судом свою контрреволюционную политическую и экономическую программу. „Социалистический вестник“¹⁾ уже объяснил всем это непонятное с точки зрения капитализма и социал-фашизма поведение подсудимых... красным террором. Этим клеветникам мы приводим последнее слово подсудимого Никовского, который заявил громогласно посредством суда всем: „Я говорю здесь, на трибуне, по доброй воле. Меня никто не тянул за язык. Я считаю, что для того морального расстрела, какой здесь произвела прокуратура, мы, подсудимые, сами подавали патроны. Пусть знает советская общественность, пусть знают и за границей, что так каяться нас никто заставить не мог. Мы каялись по своему искреннему желанию убить до конца контрреволюцию“.

Петлюровщина и „Союз Освобождения Украины“

„Союз Освобождения Украины“ был теснейшим образом связан с так называемым правительством „Украинской народной республики“, которое существует и теперь за границей и получает регулярную финансовую помощь от целого ряда иностранных капиталистических государств. Главой этого правительства был Петлюра, а после его убийства в Париже в 1926 году стал председателем УНДО Левицкий. Основная цель этой организации — свержение советской власти и восстановление капиталистического строя. Наиболее видные деятели этой организации принимали активное участие в борьбе с советской Украиной в годы гражданской войны, поддерживая тесные связи с атаманами белых банд и подпольными повстанческими кулацкими организациями (атаманы: Зеленый, Ангел, Лозовик, Гаевой и др.).

Во главе „Союза Освобождения Украины“ находились: С. Ефремов, бывший товарищ председателя Центральной Рады,

1) Издается в Берлине эмигрантами-меньшевиками.

бывший председатель ЦК Украинской партии социалистов-федералистов, вице-президент Всеукраинской Академии Наук; Чеховский, В. М., бывший член ЦК партии УД и премьер-министр петлюровского правительства УНР, он же руководитель автокефальной церкви; Никовский бывший министр иностранных дел петлюровского правительства УНР и член ЦК УСФ. Наряду с писательницей Л. Старицкой-Черняховской, активной деятельницей „СВУ“, в организации работали: студент Киевского ИНО—Павлушков, председатель „СУМ“ (Союз Украинской Молодежи), профессор Подгоецкий, бывший член Центральной рады, проф. Слабченко, член ВУАН; бывший член УСД — Дурдуковский, бывший видный деятель буржуазной партии УСФ; Гермайзе, бывший видный деятель УСДРП, проф. Киевского ИНО и многие другие.

„Союз Освобождения Украины“ непрерывными нитями связан со всей историей классовой борьбы на Украине со времени октябрьского переворота до последних дней. СВУ — только новейшее проявление непрерывной контрреволюционной деятельности, которую проводили на Украине буржуазия и кулачество после октябрьской революции. СВУ — это приемник подпольной контрреволюционной организации, называвшейся „Братством Украинской Державности“ (БУД). Во главе БУД был тот же самый академик Ефремов, который руководил и СВУ. БУД вел бешеную вооруженную борьбу против советской власти. В 1920 г., когда Красная армия вынуждена была временно отступить из Киева, БУД, захватив власть в городе, передает ее петлюровскому правительству и польским оккупантам. Затем БУД посылает во главе с Ефремовым делегацию для переговоров об организации нового правительства. В итоге был сформирован новый петлюровский кабинет, куда вошел в качестве министра иностранных дел Никовский.

После занятия Красной армией оккупированных польско-петлюровскими войсками местности, часть членов БУД'а ушла с белополяками, а другая часть — с Ефремовым во главе ушла в подполье на Украине. Для того, чтобы легализоваться Ефремов подает в Совнарком через Украинскую Академию Наук ходатайство об амнистии с правом работать в Академии, мотивируя своей полной лояльностью. Однако, вернувшись в Академию Ефремов немедленно возобновляет деятельность БУД'а. Он тесно связывается с такими „знаменитыми“ атаманами петлюровских банд, как Ангел, Деришук, Моралевич и Шляхой и всем им дает советы, как вооруженно бороться против советской власти, являясь их настоящим идейным руководителем.

После заключения с Польшей перемирия и Рижского мира был организован петлюровцами с согласия БУД ЦУПКОМ (Центральный Украинский Повстанческий Комитет), который, сформировав несколько тысяч сабель, пробовал во главе с Тютюником и Палием устроить прорыв на Украину, но этот рейд являлся последней жалкой попыткой украинской контрреволюции в борьбе с советской Украиной. После этого повстанческое движение на Украине пошло на убыль. Правильная национальная политика нашей партии выбивает почву из под ног контрреволюционной организации БУД. Тогда Украинская национально-буржуазная интеллигенция начинает постепенно внедряться во все поры советского организма. Академия Наук, ВУЗЫ, журналы, литературные группы, органы Наркомпроса и т. д. — все это завоевывается этой интеллигенцией, благодаря отсутствию подготовительных кадров из пролетарской среды. В 1925-26 г. политика нашей партии на селе укрепляется; советская власть на Украине пользуется большим доверием среди крестьянства, удельный вес рабочего класса повышается, рабочие кадры вытесняют буржуазные, социалистические элементы выталкивают капиталистические, в связи с чем обостряется классовая борьба.

После фашистского переворота в 1926 году в Польше и после убийства в Париже Петлюры, на Украине (Киеве), по прямой директиве зарубежного петлюровского правительства, образуется „Союз Освобождения Украины“, с установкой на капиталистические элементы внутри страны и на помощь капиталистических государств. Никовский еще в 1924 г. был послан лично Петлюрой на Украину для организации этой „Спільки“.

В мае 1926 года, когда в Париже убили Петлюру, украинские контрреволюционные элементы воспользовались, чтобы этим событием развернуть широкую антисоветскую агитацию и организовать подпольную контрреволюционную организацию. В то же время видный эмигрантский деятель Чикаленко обращается к Ефремову с письмом, в котором категорически предлагает ему создать организацию. В этом письме он сообщает, что за границей украинская эмиграция уже объединилась для борьбы с советской властью в „Союз Освобождения Украины“.

Ефремов и Никовский сгруппировали возле Всеукраинской Академии Наук, куда они оба попали, целую плеяду разных „ученых“ и „научных деятелей“, где и организовали идеологический центр этой „Спільки“. В дальнейшем они организовали сеть контрреволюционных ячеек по всей Украине.

В Одессе, Днепропетровске, Чернигове, Полтаве, Виннице и т. д. были организованы филиалы этой „Спільки“. Наиболее

активные группы были в ВУАН. Там была также медицинская секция, которая являлась подпольной частью „Союза Освобождения Украины“. Во главе этой группы стояли профессор Черняховский и врач Барбар, сын помещика, быв. укр. социал-демократ и сотрудник министерства здравоохранения во времена гетмана, которые вели пропаганду среди медицинского персонала. Эта группа стояла за медицинский террор.

При ВУАН было создано „научно-педагогическое общество“ для проведения контрреволюционной работы среди учительской массы. „Научно-педагогическое общество“ проводило злостное вредительство в школе и насаждало контрреволюционную идеологию среди школьников. Во главе педагогической группы стоял Дурдуковский. Была также организована литературная группа во главе с писательницей Старицкой-Черняховской, а потом с Никовским. Старицкая должна была заняться организацией „распыленных украинских писательских групп“. Литературная группа злостно вредила на литературном фронте.

„Союз Освобождения Украины“ превращает автокефальную церковь в орудие борьбы с советской властью на Украине. Чеховский, стоявший во главе автокефальной церкви, должен был организовать контрреволюционную сеть ячеек по линии церкви, и развить агитационную работу среди кулацких элементов. СВУ организовал также „Союз Украинской Молодежи“ (СУМ), который должен был стать боевой организацией фашистской молодежи.

СВУ также использовал кооперацию. Лозунг СВУ „кооперация — путь к независимой Украине“. Кооперацию СВУ хотел использовать для контрреволюционных целей, с целью организации антисоветских элементов и как материальную поддержку при восстании, отпуская средства на питание повстанцев. Итак мы видим, что „Союз Освобождения Украины“ есть один из дальнейших этапов развития контрреволюционной петлюровщины.

Политическая и экономическая программа СВУ

Политическую и экономическую программу „Союза Освобождения Украины“ можно делить на семь основных пунктов. Первый пункт программы СВУ — свержение советской власти и восстановление капиталистического строя, борьба с властью рабочих и крестьян, за власть буржуазии и кулачества. Об этом откровенно на суде говорил идеолог СВУ Ефремов. На вопрос прокурора Михайлика: „Какую цель ставил себе СВУ“ — Ефремов решительно ответил — „освободить

Украину от Советской власти и основать независимую Украинскую республику типа УНР“.

На следующий вопрос прокурора — „Ставил ли СВУ в своей программе вопрос о диктатуре“, — Ефремов сознает, что до тех пор пока твердо не установится буржуазный строй могло быть ограничение прав рабочих и крестьян.

А подсудимый Гермайзе подчеркнул, что программа СВУ — „откровенная программа реставрации капиталистического строя. Тут нет демократического, даже декоративных признаков“. Короче говоря, руководители СВУ ставили вопрос о создании буржуазной фашистской диктатуры.

Второй пункт программы СВУ — это превратить Украину в колонию Польши или западно-европейского империализма. Как известно, Пилсудский посредством петлюровщины хотел воплотить в жизнь свою старую идею — создание великой империалистической Польши, так называемую федерацию Польши с Украиной и Белоруссией. Еще в 1920 г. Пилсудский заключил с Петлюрой договор на предмет активной борьбы с советской Украиной и вхождения Украины в Польшу. Этот договор закабаления Украины имеет силу и теперь. До сего времени „Союз Освобождения Украины“ зарубежной эмиграции субсидируется Польшей на основании этого договора. Петлюровский министр иностранных дел на процессе СВУ вынужден был признать, что „этот договор скандальный и позорный документ“, хотя он сам приложил руку к этому кабальному для Украины договору.

Третий пункт программы СВУ — возвращение фабрик и заводов собственникам, восстановление в правах фабрикантов и капиталистов.

Четвертый пункт — это область земельной политики. Октябрьская революция отняла у помещиков 17 миллионов гектаров земли. Многие экспроприированные крупные польские помещики после революции эмигрировали за границу. СВУ в своей программе предусматривает обратный переезд помещиков на Украину и возврат им земли. 14,5 миллионов помещичьей земли на Украине передана бедняцким и середняцким слоям населения. 2.200.000 крестьянских хозяйств из 3.600.000, которые были на Украине до революции, получили земли после октябрьской революции от советской власти, и несмотря на это руководители СВУ решили отнять эти земли у крестьян и вернуть обратно помещикам. Ефремов считает, что эта земля крестьянам может быть оставлена только за выкуп. Вот его слова: „за эту землю надо было заплатить бывшим собственникам“.

Пусть знает все трудовое население Украины, как заботились украинские националисты — ефремовцы о них. 7 миллионов рублей приходилось бы украинским селянам выплатить помещикам, если бы петлюровцы вернулись на Украину. И вот это называется освобождение Украины.

Пятый пункт — борьба с индустриализацией Украины. Поскольку петлюровцы хотели превратить Украину в колонию Западно-европейского империализма, в колонию Польши, а индустриализация страны освобождает Украину от какой бы то ни было зависимости других государств, то разумеется, что борьба с индустриализацией есть последовательная политика СВУ. Подсудимый Дурдуковский говорил, что он смотрит на Украину, как на сельскохозяйственную страну: „мы были за вола, и против машины“. Идеолог СВУ — Ефремов учил своих единомышленников, что польская промышленность не может конкурировать на внешнем рынке Западно-европейских стран и нуждается в потребителе и что Украина как раз и может стать этим потребителем фабрикатов польской промышленности и рынком сырья. На вопрос общественного обвинителя, как квалифицируются такие страны, которые поставляют сырье другой промышленной стране Никовский ответил — „Экономически зависимая колония“.

Шестой пункт программы — СВУ считает необходимым уплатить все долги бывшей царской России иностранным капиталистам. На суде Ефремов заявил, что СВУ считало нужным оплатить часть долгов царского правительства, падающих на Украину, чтобы „иметь кредит в дальнейшем и вообще не ссориться с соседями“. По его мнению на Украину падает 5 миллиардов рублей.

Таковы пути СВУ для „освобождения“ украинского народа. В итоге Чеховский — бывший председатель совета петлюровских министров — вынужден был признать, как и все обвиняемые, что это не „Союз Освобождения Украины“, а „союз закабаления и порабощения Украины“. Для того чтобы проводить на Украине свою политическую программу, для этого нужно было СВУ раньше всего свергнуть советскую власть и диктатуру пролетариата.

Седьмой пункт программы — СВУ предусматривает основные пути свержения советской власти и отделения ее от СССР — интервенция и оккупация Украины иностранными войсками, кулацкое вооруженное восстание внутри страны, которое являлось бы поводом для интервенции и вспомогательной силой для оккупантов. Вот основная установка политической программы „Союза освобождение Украины“. И все это прикрывалось фразой борьбы за „независимую“ Украинскую республику

Петлюровщина и Гетманщина

До октябрьской революции Украина управлялась Центральной Радой, которая была верна временному правительству, несмотря на то, что это правительство было против самостоятельности Украины. Только октябрьская революция впервые признала самоопределение всех наций и народов. 15 ноября 1917 года Украина была самоопределена, как самостоятельное государство. Центральная Рада базировалась на украинскую национальную интеллигенцию и зажиточных слоев крестьянства. Городские рабочие и беднейшее крестьянство боролись за Советскую власть. После победы революционных войск и установления на Украине Советской власти Центральная Рада призвала на помощь австро-германских милитаристов, которые и оккупировали в 1918 г. Украину. Красные войска ушли, но немцы воспользовавшись оккупацией вывезли в Германию из Украины хлеб и всякого продовольствия. В итоге разочаровавшись в Раде немцы разогнали ее, поставили вместо нее царского генерала гетмана Скоропадского, который опирался на крупных украинских помещиков. Правительство Скоропадского содействовало немцам грабить украинское население и германская армия обнищала Украину. Скоропадский особенно жестоко расправлялся со всеми революционными и социалистическими элементами, прославляя себя своими жестокостями и насилиями. Господство Скоропадского являлось непродолжительным. Бесконечные крестьянские восстания и активная революционная борьба рабочих свергли власть Скоропадского. Это совпало с уходом и развалом германской армии после революции в Германии. Крестьяне восстали за те земли, которые Скоропадский у них отнял и возвратил крупным помещикам. Украинские мелкобуржуазные и буржуазные партии в лице эсдеков, эсефов¹⁾ приветствовали власть гетмана Скоропадского и фактически с ним сотрудничали. На судебном процессе СВУ общественный обвинитель тов. Любченко опубликовал документ, который впервые увидел свет — это письмо генерального хорунжого Полтавца Остроницы. Еще Винниченко в своих воспоминаниях отмечает о том, что социалисты-федералисты вели переговоры о вступлении в правительство Гетмана. Созданный на Украине „национальный союз“, куда вошли три партии (эсеры, эсдеки и эсефы), старался получить министерский портфель от пана Гетмана. Вот что пишет Полтавец-Остроница Винниченко.

¹⁾ Эсефы — социалисты-федералисты.

„Его Высочеству
Уважаемому господину Винниченко.
Милостивый государь!

Я уверен, что вы потеряли надежду получить от меня какую-либо весть по поводу всех тех разговоров, которые велись вокруг встречи его светлости с „национальным союзом“. Должен вам сказать, что мною с первого же дня приезда из Германии его светлости этот вопрос был поставлен на первый план и в разговоре с г. гетманом я все время указывал на это свидание, как на важный шаг в строительстве Украины и как на первый мост, через который его светлость сможет лицом к лицу стать к своему народу. Как результат всего этого я должен сказать вам, что его светлость, получивши твердую опору в Германии в связи с самостоятельностью Украины и даже наброски будущего управления Украиной и конституцией будущей власти (курсив мой, Л. З.) искренно и очень благосклонно отнесся к этому сближению и передал мне, что как только разрешит некоторые срочные вопросы он сразу же попросит представителей „национального союза“, с которым его светлость считает очень важным и приятным поговорить о том положении, которое создалось на Украине за время гетманства его светлости. Но все-таки я бы советовал вам, уважаемый господин, взять аудиенцию у его светлости, на которой в кратких чертах ознакомить его светлость с предстоящими разговорами и требованиями со стороны представителей „Национального союза“, а также отметить крайнюю необходимость такого свидания и особенно чрезвычайно важных в Европе событий, которые безусловно сильно могут отразиться на нашей как внутренней, так и внешней политике. Письмо мое прошу вас принять только для личного сведения.

Благосклонный к вам и искренне вас уважающий Полтавец-Острияница 1 октября 1918 г. г. Киев“.

Полтавец подчеркивает в письме, что немцы наметили уже будущее управление Украиной и даже конституции будущей власти. Превратить Украину в колонию германского империализма — такова была тогда установка ясновельможного пана гетмана Скоропадского.

Украинские социал-демократы в этом содействовали гетману. Подсудимый Гермайзе на суде заявил: „Я помню, как Винниченко обивал пороги у гетмана и как он об этом докладывал в ЦК УСД“. Такова истинная физиономия петлюровских социал-демократов, обманывавших украинские массы, пресмыкаясь перед его светлостью царским генералом, сотрудничая с гетманско-панским правительством.

Интересно провести диалог между общественным обвинителем Любченко и подсудимым Никовским, который весьма ярко характеризует петлюровский этап сотрудничества с гетманом.

Любченко — Не помните ли вы, как заместитель председателя партии социалистов-федералистов, какие круги Украины были против свержения гетмана посредством восстания?

Никовский — Ясно, что помещики и капиталисты.

Любченко — Крестьянство в своей массе восстало?

Никовский — Восстало.

Любченко — Рабочие восстали?

Никовский — Восстали.

Любченко — Трудовая интеллигенция, которая была связана с широкими массами рабочих, восстала?

Никовский — Так, восстала.

Любченко — Кто был против восстания?

Никовский — Центральный комитет партии социалистов-федералистов.

Любченко — А из социальных прослоек?

Никовский — Помещики, капиталисты, фабриканты (смех в зале).

Любченко — Принимала ли партия социалистов-федералистов какое-либо участие в переговорах с гетманским правительством?

Никовский — Партия разрешила своим членам персонально войти в кабинет министров при гетмане. Вошли, кажется, Стабницкий, Славинский и еще кто-то.

Любченко — Присоединились ли к этому украинские эсдеки?

Никовский — Разумеется.

Красочнее и ярче характеризовать петлюровское движение и политические установки при гетмане, партии социалистов-федералистов и социал-демократов, как это сделал Никовский, пожалуй невозможно. Полное саморазоблачение контрреволюционной сущности этих социал-националистических партий. Еще ярче, пожалуй, дополняет Никовского писательница Старицкая-Черняховская. Старицкая с 1911 года была председателем „украинского клуба“ в Киеве.

Прокурор тов. Михайлик напоминает подсудимой, что после гетманского переворота в 1918 г. она приветствовала гетмана в клубе. Из дальнейшего допроса Старицкой прокурором т. Михайликом устанавливается, что подсудимая была председателем петлюровского женского союза за границей, участвовала в собрании украинских контрреволюционных пар-

тий в Варшаве, на которых утверждали кабальный для Украины договор с Польшей. Оказывается инициатива чтить память Петлюры на Украине исходила от этой контрреволюционерки „известной“ писательницы Старицкой. То что Старицкая известная контрреволюционерка это видно из ее активной деятельности в СВУ, а что касается ее „писательской“ активности — это видимо до процесса мало кому было известно в Советском Союзе. Хотя Старицкая-Черняховская на вопрос председателя особо судебного заседания Верховного суда т. Приходько „чем вы занимались?“ встает, вскидывает лорнетку к глазам и язвительно рассматривает суд:

— „Писательница, вы же знаете?“ — бросает она.

Да, теперь Старицкая на склоне своих лет получит мировую славу... писательницы, нет скорее... контрреволюционерки...

И вот как относилась эта общественная „деятельница“ из „Союза Освобождения Украины“ к гетману Скоропадскому. На вопросы т. Любченко „скажите, гетман Скоропадский украинец? Старицкая со вздохом в груди отвечает: „О бог мой, тоже украинец... он потомок того позорного гетмана Скоропадского, который был в истории Украины“.

Любченко — Вы Скоропадского уважаете?

Старицкая — Нет.

Для правильного установления политического отношения Старицкой к гетману приведем выдержку из газеты „Киевская мысль“ от 21 мая 1918 года. Там сообщалось, что открывшая украинский клуб в Киеве „известная украинская писательница“ г. Старицкая-Черняховская, приветствуя присутствовавшего там Скоропадского, выразила надежду, „что гетман закрепит самостоятельность Украины, и окружит себя настоящими украинскими патриотами“, Черняховская на суде сконфузилась такой исключительной противоречивостью. Она старалась как-нибудь выйти из неприятного состояния, в котором очутилась... но безуспешно. Старицкой зачитали конец отчета этого выступления, где гетман Скоропадский отвечая ей подчеркнул: „г. Старицкая-Черняховская сказала именно то, о чем я думал и мечтал“...

Таковы беспринципные политические установки и пути петлюровских „освободителей“ Украины, которые приветствуя период гетманщины, работая с гетманом, помогая ему, теперь на историческом судебном процессе перед пролетарским судом жалко и бесстыдно запутались в своей беспринципности. Отношение ЦК украинских социал-демократов к гетманщине — говорит Чеховский — было якобы недружелюбное. Они занимали революционные позиции. Но из документов, приводимых на суде т. Михайликом, видно, что ЦК украинских эсеров

в полном составе, за исключением одного Авдиенко, был против восстания для свержения гетмана, называя „затею с восстанием против гетмана фантастикой“.

Петлюровцы и российская контрреволюция

После октябрьской революции в годы гражданской войны советская страна была охвачена огнем контрреволюции. Все реакционные силы севера, юга, Сибири, Поволжья, Кавказа, Крыма об'единились для борьбы с властью рабочих и крестьян. Образовался единый фронт русских монархистов, украинских националистов, эсеров и меньшевиков, у которых одна цель — свержение советской власти и восстановление единой буржуазной власти для всей бывшей России.

Несмотря на то, что Украина получила самоопределение, благодаря октябрьской революции, однако же в заявлении от 30 января 1918 г. генеральный секретариат заявляет: „Мы не признаем народных комиссаров правительством России, ибо сила их лишь среди известной части великорусской демократии. Народы же Дона, Сибири, Приволжья, Украины, Белоруссии и Кубани не признают комиссаров правительством России“.

Когда в 1918 году появился так называемый „Универсал“, который провозгласил самостоятельность Украинской республики, украинские буржуазные и мелко-буржуазные партии использовали его в союзе с российской контрреволюцией. 10 мая 1918 года, т. е. через 3 месяца после провозглашения „Универсала“, съезд партии социалистов-федералистов постановил: „Большевистская авантюра выдвинула идею самостоятельной украинской державы. Считаюсь с новыми реальными условиями, партия эсефов признала державность Украины. Партия для данного момента должна исключить всякую возможность федеративной связи в Великороссией, но вместе с тем единение с другими соседями, которые создают ныне свою державность, партия должна признать возможным и желательным для интересов Украины“ (курсив мой, Л. З.)

Самоопределение Украины рассматривалось ефремовцами, как большевистская авантюра и вместе с тем блокировались в борьбе с большевиками с русскими кадетами, которые категорически протестовали против отделения Украины от России. При господстве временного правительства русская буржуазия и кадетская печать подняли крик о стремлении украинской Рады отделиться от Российского государства. И на этом ос-

новании временное правительство отправило в Киев специально для урегулирования этого вопроса министров Терещенко и Церетелли, которые затормозили окончательное решение вопроса впредь до созыва Учредительного Собрания. Второго июля 1917 года кадеты даже вышли из министерства коалиционного правительства, заявив, что они не могут „санкционировать расчленение России“. А Ленин в своей статье „Украина“ от 15-го июня 1917 г. подчеркивал „ни один демократ не может также отрицать права Украины на свободное отделение от России. Именно безоговорочное признание этого права одно лишь и дает возможность агитировать за вольный союз украинцев и великороссов, за добровольное соединение в одно государство двух народов“.

Эти приведенные строки достаточно ясно показывают политику большевиков к самоопределению Украины и беспринципный авантюризм в декларации съезда социалистов-федералистов, обманывавших украинские массы. А социал-демократ Садовский, теперешний член заграничного отделения „Союза Освобождения Украины“, в газете „Слово“ № 5 от 13-IX 1919 г. откровенно писал: „Самостоятельность Украины, в то время когда она была провозглашена, является тем фактическим шагом, который должен был спасти нас от большевизма“. Украинские социал-националисты согласны войти в федерацию только не с большевиками и советской властью, они согласны „единение с другими соседями, которые создают ныне свою державность“, иначе говоря они признают союз со всеми контр-революционными силами.

Как известно, деникинщина на Украине проводила руссификаторскую политику. Лозунг Деникина — „за единую, неделимую Россию“. Деникин уничтожил украинские школы, кооперативы, преследовал украинский язык, украинцев называл не иначе, как „малороссами“. Деникинщина — это период подавления украинской культуры, языка и преследования украинского народа. И несмотря на эти преследования все же петлюровщина заключала одно время союз с деникинцами и врангелевцами на предмет совместной борьбы с пролетарской властью. Петлюровцев ярко характеризовал их союзник по борьбе с большевизмом В. В. Шульгин, который заявил начальнику штаба французского командования, полковнику Фрейденбергу на его сообщение о договоре, заключенном Францией с Петлюрой: „каналы, вроде Петлюры, могут подписать все что угодно. В прошлом году Петлюра прислал ко мне своих друзей, через которых передал, что он горячий друг России и что Украина и Россия имеют одного врага Германию, а через три недели после того он вошел в Киев

вместе с приведенными немецкими войсками. Вот почему бумага, подписанная Петлюрой, на меня не производит никакого впечатления — он может подписать кому угодно и что угодно“.

Впоследствии, когда при поддержке западно-европейского капитала Савинков и Балахович организовали банды для борьбы с Советской Россией Петлюра блокировался с ними.

После Деникина, когда пришел барон Врангель, петлюровщина начинает блокироваться также с ними. Андрей Левицкий в письме из Варшавы тогда писал: „Савинков заинтересовался также нашими отношениями с Врангелем и обрадовался, что есть надежда на соглашение и контакт“.

Министр иностранных дел Никовский в своем циркуляре от 18-ХІ 1920 г. за № 279 секретно пишет: „если бы возникла необходимость признания правительством УНР, так называемого, правительства „Юга России“, то правительство УНР в этом случае не проявляло бы официально подозрения или же неохоты к особе верховного правителя „Юга России“ — генерала Врангеля“.

А вот, как считает нынешний приемник Петлюры Андрей Левицкий путь к Освобождению Украины и ее независимости.

Вот выдержка из его письма, адресованного „До пана головного атамана С. Петлюры“.

„Князь Салега предложил даже мне посредничество в их переговорах с Врангелем и проектирует мою встречу с генералом Арковым в его присутствии. Я придаю большое значение этой делегации Врангеля и хотел бы воспользоваться его прибытием в Варшаву. Теперь еще не легко достигнуть чего то конкретного, ибо сейчас Врангель чувствует себя гораздо сильнее, нежели в то время, когда отправлял к нам делегацию, но сейчас единственный путь к всемирному признанию Украины через Врангеля, и этот путь мы должны использовать“ (подчеркнуто мною, Л. З.).

С точки зрения петлюровщины „единственный путь к признанию Украины“ — это не путь советской власти, а „путь через Врангеля“. Об этом должны помнить все трудящиеся Украины.

Украина — колония западно-европейского империализма

Свою службу западно-европейскому империализму петлюровщина начала еще с Германии, когда австро-немецкие войска под руководством Петлюры оккупировали Украину. Договор, заключенный Германским правительством и Цен-

тральной Радой 23 апреля 1918 г., обязывал Украину предоставить Германии огромное количество хлеба, живого скота, птицы, молочных продуктов, сахара, лесного материала, шерсти и т. д., кроме того германцы забирают в свои руки украинские железные дороги, Донецкий бассейн и криворожские копи для выкачивания угля и отправления их в Германию. Немецкие солдаты, которых было на Украине 300.000, должны были получать довольствие и снаряжение из украинской казны. Это обошлось украинскому народу согласно расчета Государственной ревизионной комиссии, в два миллиона семьсот тысяч рублей валютой 1918 года. Немцы вывозили также телефонное и телеграфное имущество, военное снаряжение. Немцы обирали крестьян и все вывозили в Германию. Сопротивление крестьян подавлялось беспощадно. Восставших оккупанты усмиряли сожжением их деревень и отравлением удушливыми газами. В подавлении крестьян, недовольных политикой немцев, участвовал также карательный отряд под командованием Петлюры.

А Германский генералитет смотрел на петлюровцев, как на кучку авантюристов и проходимцев. Начальник немецкого операционного отделения восточного фронта в докладе своему начальству пишет: „Украинское войско — войско наемников, оно состоит из бывших солдат, офицеров — безработных и авантюристов“.

И за германский грабёж петлюровский сподвижник Голубович в телеграмме имперскому канцлеру пишет: „сердечно благодарю вас от имени украинского народа и его правительства. Поздравляю германскую и украинскую армию со скорой победой и с удовлетворением констатирую факт участия германских войск в деле освобождения Украины“.

А генерал фон-дер-Гольц, грабивший тогда Украину, в своей декларации гражданам Украины пишет: „Большевистские банды безнаказанно грабят Украину, убивают людей и чинят насилия, стараясь вольных украинцев сделать рабами большевистской диктатуры. Наши войска пришли вас защищать, мы желаем вам только добра. Наша цель — выгнать большевистские банды, вернуть вам свободу и самостоятельность“. Таков был лицемерный обман и взаимная фальшивая фразеология со стороны покупателей и продавцов Украины.

После ухода немцев в связи с ноябрьской революцией в Германии Петлюра обратился за помощью к французам, находившимся в Одессе. Не имея силы бороться с красными

войсками, петлюровцы посылают союзному командованию целый ряд телеграмм с просьбой помочь в борьбе с большевиками. Французов в свое время Петлюра обманул. После Октябрьской революции, как известно, на Украине господствовала Центральная Рада во главе с Грушевским и Петлюрой. Верховный французский генерал Табуи составил проект соединения Украины, северного Кавказа, Донской области и Румынии для создания Восточного единого фронта с целью борьбы с русской революцией. Петлюра обещал этому генералу Табуи, что Украина охотно будет воевать с немцами и что настроение украинского народа в пользу союзницы царской России — Франции. Обманутый генерал информировал об этих радужных настроениях своему генеральному командованию в Париж.

В итоге Украина подписала Брест-Литовский мир. Французы были горько обмануты. Об этом Жан Эрбет писал в передовице „Тан“: „Украинские делегаты на Брест-Литовской конференции заслуживают презрения, а при случае и мести“.

Теперь при обращении петлюровцев к Франции и союзному командованию за помощью для борьбы с наступающими красными войсками французы выставили целый ряд требований. Обсудив выставленные французами условия, директория постановила:

„Признавая свои ошибки, просить французское командование к борьбе с большевиками“.

Директория отдает себя под покровительство Франции и просит французские власти руководить директорией в отраслях: дипломатической, военной, политической, экономической, финансовой и судебной, впредь до окончания борьбы с большевиками. Директория надеется на великодушные Франции и других держав согласия, когда по окончании войны с большевизмом возникнут вопросы о границах и нациях.

Члены директории: Петлюра, Швец, Макаренко.

Председатель совета министров — Остапенко.

Этот исторический позорный документ, подписанный директорией, весьма резко подчеркивает превращение Украины в колонию французского империализма, в такую бесправную колонию, которая закабалена не только в дипломатическом, военном, политическом, экономическом, но даже в финансовом и судебном отношениях. Спрашивается, что же тогда остается Украине? Каждому ясно, что такая политика — есть политика превращения Украины в бесправную рабскую колонию.

Одно время делегация директории во главе с Сидоренко добивалась в Европе признания Украинской народной республики державами. Еще 10 февраля 1919 г. украинская делегация передала мирной Парижской конференции обширный меморандум с требованиями:

1) Признать суверенной и независимой Украинской республики, которая образовалась по желанию украинского народа на территории части быв. России и Австро-Венгрии.

2) Принять Украинскую республику в лигу наций.

Признание это не состоялось в силу того, что красные войска заняли Украину и петлюровцам пришлось бежать в Польшу. Здесь Петлюра посещает Пилсудского, клянется в своей преданности ему и Польше и просит у него поддержки. Польское правительство 21 апреля 1920 года заключает с Петлюрой в Варшаве договор, который составлен с участием целого ряда лиц, ныне руководивших СВУ. Этот договор передает в руки польских помещиков всю Западную Украину и закабалил 8,2 миллиона украинского крестьянства. По этому договору петлюровцы признают за Польшей право восстановить свои границы 1772 года. Украинская республика отказывается от Восточной Галиции, уступает Польше уезды: Владимир-Волынский, Ковельский и Луцкий. Отдает Холмщину, Полесье и т. д. Кроме того был заключен финансово-хозяйственный договор и железнодорожная конвенция. Все эти договоры окончательно закабалили Украину и превратили ее в колонию Польши. 8 мая 1920 г. собравшийся в Вене Галицкий Национальный Совет вынес протест против этого договора.

Приводим отрывки. „Директория представляла собой верховную власть. Ей было поручено, сообразно с обстоятельствами, издавать все законы, необходимые для защиты Республики. Одной из особых задач директории было обеспечение объединения всех украинских земель демократической республики Украины.

Из этого основного закона явствует с совершенной очевидностью, что вся директория демократической Республики Украины не имела права подписать какого-либо договора, имеющего международно-политическое значение, в особенности же такого губительного, как договор от 22 апреля 1920 г., который отдал Польше всю Украинскую Галицию (Восточная Галиция), губернию Холмскую, Подляхскую, все Полесье, западную часть Волыни, всего территорию в 162 тысяч. квадрат. килом. с населением в 10 миллионов 49 тыс. (10.049.000 человек), из коих от 70 до 80% составляют украинцы“.

Договор этот, конечно, должен был храниться в тайне. Петлюровцы боялись о нем говорить остаткам своей армии и даже своим сторонникам, ибо это могло внести смуту и недовольствие. О том, как солдаты петлюровской армии относились к крупным помещикам, с которыми петлюровцы блокировались, можно судить по тому сообщению, которое было опубликовано в иностранной газете „Таймс“ от 12 ноября 1919 г. в те годы, когда Петлюра воевал еще с Польшей.

„Вчера было подписано перемирие между поляками и Петлюрой. В Варшаву только что вернулся граф Роман Потоцкий, который был послан в главную квартиру украинской армии. Потоцкий едва не стал жертвой происшествия, бросающего яркий свет на настроение петлюровских солдат. Потоцкий признает, что офицеры обращались с ним чрезвычайно вежливо. За то солдаты, узнав, что он принадлежит к богатейшему роду Потоцких, владевших обширными имениями на Украине, потребовали его немедленного ареста и предания суду. Возмущение солдат достигло таких размеров, что офицеры оказались бессильными помешать аресту этого могущественного магната. Пришлось устроить ему побег, поручив нескольким офицерам провести его через украинские аванпосты“.

Таково было истинное настроение солдат петлюровской армии, они инстинктивно чувствовали своих врагов, которые их закабаляют. В том то и дело, что петлюровцы скрывали от солдат истинное положение дел и обманывали их лозунгами украинской „независимости“.

А что получали помещики от, так называемой, украинской „независимости“ это мы сейчас узнаем из письма Андрея Левицкого к головному атаману Симону Петлюре.

„Четвертый день я в Варшаве. Виделся с князем Сапегой. Завтра надеюсь иметь аудиенцию у Пилсудского, а потом у Витоса и Дашинского. Ситуация наша в Польше очень сложна. Впечатление такое, что в этот момент больше всех может поддержать Пилсудского в наших делах единственный польский министр князь Сапега. Как консерватист — он враг большевиков, а как украинский помещик — он понимает лучше других необходимость для Польши осуществление независимого украинского государства“.

В этом письме Андрей Левицкий прекрасно изложил программу петлюровцев. Он подчеркивает, что „независимость“ украинского государства именно необходима князю Сапеге, ибо он украинский помещик. В этом и есть вся политическая установка петлюровщины. А после заключения этого позорного для Украины Вар-

шавско-петлюровского договора, когда польские войска вторглись в Советскую Украину, Пилсудский выпустил лицемерную прокламацию, в которой, между прочим, говорится: „я твердо уверен, что украинский народ напряжет все свои силы, чтобы с помощью Польши завоевать себе свободу и мирным трудом обеспечить плодородным землям своего отечества счастье и благосостояние. Войска Польской республики несут с собой покровительство и обеспечение всем жителям Украины без различия классов, происхождения и религии. Я призываю украинский народ и все население этой страны терпеливо переносить невзгоды войны и помогать, по мере возможности, польской армии, проливающей кровь за свободу Украины“.

Польские войска заняли Киев. Никовский и Силиковский по поручению организации „Братства Украинской Государственности“ организовали киевский „общественный комитет“, в который входили представители разных учреждений и организаций. Комитет устроил вечер в честь польского командования, на котором с речью выступал Ефремов, приветствовавший польско-украинскую „дружбу“... Петлюра находился в Виннице. К нему поехала делегация в составе Садовского, Синицкого и Никовского. Вскоре Петлюра приехал в Киев. 30 мая 1920 г. на торжественном обеде в украинском клубе Ефремов произносит речь, посвященную в'езду Петлюры в Киев, в которой подчеркивает свое отношение к Петлюре, полякам и к польско-петлюровскому договору. Среди других гостей там был также командующий польской армией генерал Ридз-Смиглыт.

В своем выступлении Ефремов заявил: „Первое наше желание сейчас, чтобы опытом недавно прошедшего кошмара, все наши живые силы были объединены в один монолит, так как такое объединение особенно необходимо теперь, когда при помощи великой Речи Посполитой мы выгнали большевиков из нашей Украины... За Украину, за надежду ее, за главного атамана Петлюру, первая наша слава“ (Далее Ефремов провозглашает тост: „За процветание нашей союзницы, великой Польши. Виват“. Оркестр играет „Еще польска не згінела“) (напечатана в винницкой газете „Украина“).

Единение „социалистов-федералистов“ петлюровцев и польского военного командования достаточно видно из действительного отношения Ефремова и всех его сторонников к петлюровско-польской дружбе и к Варшавскому договору.

Начались переговоры о создании правительства. По приказу БУД Никовский вступил в правительство и взял портфель министра иностранных дел.

„Я думал — говорит Никовский — что я становлюсь министром УНР. И только потом я понял, что в действительности я стал петлюровским министром. Я застал не „украинскую народную республику“, а петлюровщину. В директории фактически был один лишь Петлюра. Но в действительности хозяйничали поляки, а Петлюра выполнял их директивы“.

Поляки господствовали в Киеве с лозунгами что: „Польша — страна закона и труда. В Совдепии — царит произвол и разруха. Польша признает свободную торговлю и полное право собственности. Совдепия — страна конфискации и принуждения“.

Несмотря на такие „гуманитарные“ лозунги все же положение петлюровско-польской армии ухудшилось и „победная“ армия оставила Киев и отступила.

После беспорядочного отступления польских войск до самой Варшавы Польша заключила в Риге с Советским государством перемирие. С тех пор петлюровщина перешла на иждивение Польши, которая субсидировала петлюровские организации для борьбы с УССР. Весной 1921 г. Никовский и другие образовали, так называемый, заграничный „БУД“. Через секретный отдел Министерства внутренних дел член БУД Литвицкий руководил им и направлял на территорию Советской Украины „своих людей“, как агитаторов и агентов для связи с повстанческими группами.

Петлюровцы объединились в Польше с Махно, так как он выдвинул „идею“ о том, что он может сорвать рижский договор и вызвать войну между Польшей и Советским правительством. Способ его деятельности — провокация.

„Я могу — предлагал Махно представителю Петлюры в Румынии Моцкевичу, — взять своих хлопцев из Гуляй-Поля, одеть их в форму Красной армии и пройтись с ними по территории Польши, так что рижский мир будет сорван и вы на этом деле выиграете“.

Удивленный Никовский спрашивал: „Как же так, ведь Махно анархист“. На это Моцкевич ответил: — „Махно анархию отложит на будущее, а пока что удовлетворится должностью Екатеринославского генерал-губернатора“.

Никовский освещает суду подробно рейд Тютюнника, который был организован по согласованию с представителями польского военного командования. Во Львове под конспиративной вывеской кабака с конца 1921 года орудовала организации Тютюнника, которая работала под руководством и надзором польского генерального штаба.

В распоряжение Тютюнника было откомандировано 1800 казаков из лагеря, где находились интернированные петлю-

ровские войска. Тютюнник перешел границу; а поляки об'яснили, что Тютюнник перешел границу „самовольно“ и что высланные эскадроны „не успели его перехватить“. Рейд Тютюнника кончился для петлюровцев полным разгромом.

Петлюровские послы в Европе суетились во всех кругах и находились во всех приемных буржуазных кабинетов. В Париже граф Тышкевич, петлюровский посол, вел переговоры по поводу интервенции и признания правительства Петлюры.

Газета „Журналь“ поместила 26 марта 1920 г. интервью, где он говорит: „Я готов отбросить большевиков в Азию, откуда они пришли, наподобие холеры. Но для этого необходимо, чтобы Франция признала правительство Петлюры—нашего национального „героя“. Петлюровское правительство хотело добиться признания для того, чтобы получить финансовую поддержку.

Несколько слов о Тышкевиче. Тышкевич крупный украинский помещик, русский консерватор, симпатизирующий католической Австрии. Он мечтает создать украинское государство с королем династии Габсбургов. Тышкевич активно пропагандирует идею превращения украинцев в католичество и не скрывает свою преданность Польше. Он везде выступает за „об'единение с Польшей“. В 1919 г. Тышкевич был назначен послом Петлюровского правительства при Ватикане у Римского папы, который считал необходимым „основание независимого украинского государства—форпоста католицизма на востоке“.

Франция отдает Украину под власть Польши. Передать Украину Польше или европейскому империализму—такова была программа всех активных деятелей УНР. К. Моцкевич, бывший член партии социалистов-федералистов и дипломатический представитель петлюровского правительства в Румынии, в 1920 г. также боролся за „независимость“ Украины. И вот что Моцкевич пишет:

„Нет, мы нация таких хамов, которым нужен какой-нибудь чужеземный пан. Кто угодно, но только не свой“.

А Левицкий, нынешний руководитель УНДО (уния национальных демократов-украинцев, стоящая за сближение с Польшей), еще совсем недавно в июле 1928 года, выступая в комиссии польского сейма по иностранным делам, заявил: „Украинские области УССР должны быть отделены от Советского Союза и организованы в самостоятельное украинское государство, которое послужит единственным и важнейшим залогом существования Польши“. Таковы и теперешние взгляды и ориентации петлюровских деятелей из УНР.

Председатель Украинской дипломатической миссии в Швейцарии известный барон Василько подписал на берлинской конференции дипломатический документ, в котором УНР соглашается западную Украину передать Польше, Бессарабию и Буковину—Румынии и Закарпатскую Украину—Чехословакии. В свое время Украинское правительство вошло также в соглашение с Румынией, за помощь которой правительство „Украинской народной республики признает право Румынии на Бессарабию и отказывается от требования ее возврата, когда оно будет призвано управлять Украиной“.

Правительство УНР служило и продавалось поочередно всем капиталистическим государствам. Начиная с Германии, являясь агентом контр-разведки Польши и Румынии, орудием борьбы в руках Франции, украинская директория перешла также на службу Англии. Петлюровцы просят Англию помочь им свергнуть советскую власть. Англия обещает помочь петлюровским отрядам на Советской Украине и за это получает от петлюровцев сведения военно-секретного характера, за что английское правительство оказывает финансовую поддержку правительству УНР. Кроме того, Англия рекомендует создать военную базу УНР на черноморском побережье, так как Англия придет им на помощь главным образом с Черного моря.

Такова европейская политика петлюровцев. Но у петлюровцев есть и азиатская политика. УНР выступает также и на Дальневосточной бирже. На Амуре в Зеленом Клине живет несколько сот тысяч украинцев. Петлюровцы решили связаться с Японским империализмом на предмет борьбы с Советским Союзом посредством интервенции, якобы с целью освобождения дальне-восточных украинцев от гнета большевиков.

Никовский рассказывал советскому суду, как он вел переговоры с японцами:

„Япония не заинтересована в оккупации Дальнего Востока, но, однако, в нем заинтересована, как в рынке. Колонизировать этот край также, как и Сахалин, она не может из-за чрезвычайного для японцев климата этого края; было бы очень хорошо, чтобы Дальний Восток имел там около 70% украинцев—переселенцев, выделился в самостоятельное государство под протекторатом Японии, платя ей за помощь зависимостью своей торговли и промышленностью от Японии. Для этого надо выделить все интеллигентные силы из украинской эмиграции—учителей, кооператоров, писателей и отправить их за счет японцев в Зеленый Клин для широкой пропаганды и просветительной работы, а также и подготовки для Лиги

Надией какого-то акта со стороны населения в пользу японцев. Это была общая основа переговоров, и устно на этом мы с Мицкевичем согласились“.

Передать несколько сот тысяч украинцев из Зеленого Клина „под протекторатом Японии“—такова была установка петлюровцев „освободителей“ украинского народа и сторонников „независимой“ Украины. На судебном процессе СВУ Никовский этот возмутительный акт закабаления нескольких сот тысяч украинцев пытался объяснить детскими рассуждениями. Он говорит: „Я думал, что эту публику (эмигрантов-чиновников УНР) надо куда то сплавить, где они могли бы заниматься своим делом, где они могли бы иметь свой кусок хлеба“.

Общественный обвинитель т. Любченко в своей обвинительной речи на процессе СВУ подчеркнул, что „Для того, чтобы дать кусок хлеба кучке недобитых остатков петлюровцев, пусть сотни тысяч украинцев Дальнего Востока идут на выручку в эксплуатацию к японскому капитализму“. Такова внешняя политика петлюровщины. Таков позорный путь „освободителей“ Украины от власти рабочих и крестьян. Таков путь закабаления Украины и превращения „неньку Украину, седовласую неньку“ в рабскую колонию международного империализма.

Писательница Старицкая на вопрос Любченко, как она оценивает период директории, когда заключались позорные договоры с Деникиным, Врангелем, Францией, Германией, Польшей, Румынией, Англией и Японией, период, который она охарактеризовала, как период национального украинского романтизма и национального возрождения—вынуждена была сознаться:—„Это был ужасно печальный и трагический период украинской истории. Я не признаю этих договоров и квалифицирую их как большую историческую ошибку“. Несмотря на то, что сидящие на скамье подсудимых руководители СВУ все признали этот период—периодом трагическим для Украины и все договоры—закабалением украинского народа, зарубежная часть „Союза Освобождения Украины“ продолжает и теперь в таком же духе „освобождать“ Украину. Зарубежная часть СВУ и теперь не оставила идею „освободить“ Украину от Советской власти путем помощи иностранных государств—путем интервенции.

Основная установка СВУ—это самостоятельная, независимая Украина.

Старицкая на суде заявила, что „создав СССР, в котором на основе Союзного договора входит также и УССР, как

федеративная часть—советская власть тем самым осуществила мой идеал о самостоятельной Украине и политического самоопределения украинского народа“.

Автокефальная церковь

Украинская автокефальная церковь была превращена в орудие „Союза Освобождения Украины“, в орудие антисоветских организаций и контрреволюции. Во главе автокефального движения на Украине стоял В. Чеховский—б. премьер-министр петлюровского правительства, он же руководитель автокефальной группы СВУ. Еще в 1920 году автокефальная церковь приняла участие во встрече Петлюры и польских оккупантов. Было издано специальное постановление о встрече. Председателем УАПЦ (украинская автокефальная православная церковь) состоял протоиерей Морозов и секретарем Тарасенко. Автокефальная церковь возникла на Украине после разгрома вооруженных сил украинской контрреволюции в открытом бою с красными войсками. Когда петлюровцы были загнаны в подполье, они искали новой формы борьбы с советской властью. В годы петлюровского подполья в Киеве собирается первый Всеукраинский автокефальный собор. По предложению „Братства Украинской Державности“ митрополитом автокефальной церкви избирается активный руководитель контрреволюционного течения—член СВУ—В. Липковский. Руководители автокефалии собирают и объединяют петлюровские силы и для этой цели устраиваются агитационные поездки по Украине. Петлюровские атаманы „батьки“, старшины, коменданты, руководители бандитских отрядов и кулацких банд превращаются в „священнослужителей“ автокефальной церкви.

Для атаманов и бандитов в рясе создается специальная „высшая богословская школа“ и „братство работников слова“, в которых петлюровцы подготавливаются к антисоветской работе. Для руководства проповедями БУД создает специальную комиссию. В итоге СВУ взяло автокефальную церковь в свои руки и В. Чеховский должен был подобрать надежных людей, к которым Чеховский относит В. Липковского, архиерея Н. Шараевского, М. Хемичевского, Н. М. Чеховского, Л. Карпова и Ю. Красницкого. Все эти кандидатуры были утверждены специальным заседанием СВУ, как благонадежные. „Мы считали...—говорит С. Ефремов, что священник, особенно на селе, многое может сделать для распространения идей СВУ“. И для этой цели автокефалия подбирает особый состав священнослужителей.

По официальным данным в составе священнослужителей и руководителей церкви мы имеем 214 петлюровских бандитов, 55 бывших членов разных украинских „социалистических“ партий, 46 царских офицеров, 22 деникинских офицеров, 17 жандармов и полицейских, 3-х членов „Союза Русского народа“.

Разумеется, что автокефальная церковь и ее приходы являлись штабом контр-революции. Ввиду весьма открытых антисоветских выступлений митрополита Липковского руководителя УАПЦ решили его переизбрать, боясь разоблачений церкви, как контрреволюционной организации. Второй Всеукраинский собор избирает митрополитом М. Борецкого. Тогда СВУ сохраняет Липковского для работы в автокефалии, как незаменимого работника. „Борецкий—говорит В. Чеховский—должен был свою работу вести в другом направлении, нежели вел Липковский: если Липковский создавал церковную национальную организацию, то Борецкий должен был только углублять ее, что было достигнуто прежде“.

Автокефальная церковь устраивала целый ряд открытых антисоветских выступлений. В 1926 году в Киевском Софийском соборе была устроена антисоветская демонстрация и отслужена панихида по убитом Петлюре. Дурдуковский доложил суду, как В. Чеховский предложил „30-го мая отслужить в Софийском соборе панихиду официально по поводу 10-тилетней годовщины смерти И. Франко и как будто бы по И. Франко, а неофициально... по Петлюре“. На панихиде распространялись антисоветские листовки, прокламации, собирались деньги на памятник „национальному герою“ Петлюре и деньги на помощь заключенным атаманам бандитских шаек: Дерещуку, Махине и друг. Брат В. Чеховского, Н. М. Чеховский, священник автокефальной церкви быв. царский полковник и при Петлюре комендант Киева, подчеркнул, что работа состояла в том, чтобы сплотить вокруг церкви все шовинистические антисоветские элементы с целью борьбы за „самостоятельность Украины“. Он говорит, что церковники вели большую контр-революционную работу. Устраивали в церквях концерты, трапезы и т. п., с целью пропаганды и распространения идей СВУ. Петлюровские атаманы были приглашены в церковь, „чтобы организовать воинские части и повести их в бой, если начнется восстание против советской власти“ (из показаний Н. М. Чеховского). Священник автокефалии, бывший член партии социалистов-федералистов, председатель Полтавской окружной автокефальной церкви Е. Товkach также подчеркивает, что „основную работу по организации восстания должна была выполнить автокефальная

церковь, которая в составе духовенства имела значительный процент офицеров петлюровской армии“.

Программа действия автокефальной церкви выражалась в том, что работа священнослужителей на селе, как и в городе, заключалась: 1) в сеянии национально-политического семени; 2) собирании национальных элементов, явно враждебных советской власти вокруг церкви; 3) в объединении их на почве национально-политических идей; 4) в настраивании этих элементов против советской власти и ее мероприятий (В. М. Чеховский). Офицеры и петлюровские погромщики в поповских рясах составляли основной кадр „агитпунктов“ контр-революции при церквах. Этот кадр священников служил одновременно основным кадром петлюровских командиров для будущей повстанческой армии.

„Целью пропаганды (церковной)—говорит С. Ефремов—была не только дискредитация Советской власти перед крестьянством, но и практические мероприятия по подготовке восстания“. Таковы откровенные признания руководителей СВУ и автокефальной церкви о программе и работе автокефалии.

На вопрос общественного обвинителя Волкомирского, как священник Товкач относится к тем сведениям, которые распространяются за границей, что советская власть преследует религию, Товкач подчеркнул: „Советская власть не преследует религии. Советская власть не преследовала также автокефальную церковь. Именно поэтому церковь имела возможность в течение 10-ти лет развиваться и одновременно проводить контр-революционную антисоветскую работу. Автокефальная церковь не оправдала доверия власти, стала на другой путь, и, наконец, сама погибла. Советская власть здесь абсолютно не при чем. И в том, что мы, автокефальные деятели, сидим на скамье подсудимых, виновна не власть... мы сами себя поставили в такое положение, что советская власть должна нас наказать“.

На судебном процессе выяснилось, что большинство священнослужителей является неверующими и просто обманывали прихожан. Об этом весьма красочно говорил суду подсудимый Мороз, который до 1924 года состоял председателем украинского церковного совета. Актив церкви, как сообщает Мороз, относился безразлично к религии и принимал участие в церкви несомненно по мотивам политическим. „Большая часть безразлично относилась к религии, а некоторая часть и совсем не верила“. Также выясняется, что в автокефальной церкви принимали участие атеисты-безбожники, как например, Холодный. Они объединялись

в церкви на антисоветской реакционной платформе. Подсудимый Слабченко Михаил—организатор и руководитель Одесской филии СВУ, наиболее цинично говорил о задачах церкви: „в близком тесном круге они заботились вовсе не о бедняке или середняке, а исключительно о сельском богате. Поэтому нужна была им церковь, твердая власть, фашизм и т. д. Бедняка же только можно скрутить силой фашистского кнута, чтобы он попал в положение, в каком он был до революции“. Пусть об этом знает вся страна, вся Украина, вся бедняцко-средняцкая часть украинского крестьянства.

Выясняется также, что епископ автокефальной церкви Теодорович, находящийся в Америке, организовал там петлюровскую организацию „спилка украинских самостийников“ во главе с неким „адвокатом“ Свистуном, имевшим отношение к охранке капиталистических государств. Контр-революционная сущность автокефальной церкви в достаточной степени доказана и разоблачена самими священнослужителями. Автокефальная церковь была надежным контр-революционным и антисоветским орудием в руках СВУ. 28—29 января 1930 г. в Киеве состоялся чрезвычайный собор украинской автокефальной православной церкви, на котором было признано, что автокефальная церковь была контр-революционной национально-политической организацией—составной частью „Союза Освобождения Украины“. Собор признал необходимым украинскую православную автокефальную церковь ликвидировать, так как она была не религиозной, а политической организацией.

Погромы, петлюровщина и национальная политика СВУ

Петлюровщина прославилась на Украине своим погромным движением. Антисемитизм являлся одним из орудий борьбы в руках петлюровцев. Погромы устраивались с ведома дирекции и с непосредственным участием высшего военного командования. Целый ряд петлюровских атаманов: Семесенко, Волюнец, Гавришко, полковник Рященко и другие, будучи руководителями отдельных петлюровских бригад, своей собственной рукой подписали погромные воззвания для расправы с незащитным населением городов и местечек. Петлюровские банды не щадили никого, они убивали женщин, стариков и детей. Известный проскуровский погром, после которого было вырезано поголовно все местечковое население, был устроен регулярными петлюровскими войсками, даже запорожской казацкой бригадой украинских республиканских войск имени главн. атамана Петлюры. Атаман Семесенко устроивший этот

погром объяснял эту кровавую резню якобы восстанием евреев, которые хотели захватить власть в свои руки.

В известном погромном приказе по гарнизонному отделению Проскурова 16 февраля 1919 года атаман этой бригады Семесенко пишет: „весьма возможно, что между жертвами, которые пострадали от оружия моих казаков, имеется много невинных, но так как ничего невозможно без ошибок, то и тут они могли быть“. Бандит Семесенко считает „так как ничего невозможно без ошибок“, так поэтому он мог ошибиться и вырезать все еврейское беззащитное население. И дальше в том же приказе он пишет: жалко невинных жертв, всеобщая смерть покрыла город Проскуров, однако, кровь невинных жертв падает проклятием на тех, которые выявили себя провокаторами и авантюристами—на защитников недавнего восстания“.

Итак ответственность за кровавую резню падает с точки зрения петлюровских бандитов не на погромщиков, а на вырезанное и погромленное население, „на защитников недавнего восстания“ в то время, когда в Проскурове никакого восстания не было.

Житомирский погром происходил на глазах самого главного атамана Петлюры. На просьбу делегации Житомирской думы прекратить резню Петлюра ответил: „Не сорьте меня с моей армией“.

А погромщик полковник Петров заявил чрезвычайной петлюровской следственной комиссии, что армия шла на Житомир под лозунгом: „Бей жидов, бей коммунистов“. Этот Петров затем занял пост военного министра при директории. Атаманы: Тютюнник, Гаевой, Ангел, Лозовик и другие прославились на Украине своей жестокостью и кровавыми расправами над мирным населением.

Петлюровцы из „Союза Освобождения Украины“ проводили по отношению к евреям такой же курс, как и петлюровцы-бандиты. Никовский, член ЦК Украинских социалистов-федералистов и министр иностранных дел директории, еще в 1918 году вел бешеную антисемитскую кампанию посредством газеты „Нова Рада“, натравливая украинцев на евреев. Вот образец. В статье „Евреи и Украинское войско“ („Нова Рада“ 8 березня (23 лютого) 1928 г. № 29 Никовский пишет:

„Красногвардейцы, которые по большей части были евреи, расстреливают украинцев за то, что они украинцы, а их отцы и братья доносили и указывали, где кто из украинцев скрывается, кто чем был во время украинского господства“.

Не думаю, чтобы „движущий нерв“ партии „социалистов-федералистов“ верил в эту бессмысленную чепуху, которую

он преподнес своим украинским читателям. Ведь эта возмутительная наглость выходит из всяких границ „евреи расстреливают украинцев за то, что они украинцы“. Но за то успех был после таких слов головокружительный, любой Пуришкевич мог Никовскому позавидовать. Никовский этими статьями призывал украинские несознательные массы к прямым погромам, к резням. Никовский, как и другие погромщики-писатели, несут непосредственную ответственность за погромное движение.

Национальная политика СВУ носила ярко шовинистический характер. Украинцы натравливались в одинаковой степени и на евреев, и на русских, и на других национальностей, населяющих Советский Союз, хотя на словах и в программе СВУ говорилось о равенстве наций и об обеспечении всем нациям свободного развития. Петлюровцы считали, что в Советском Союзе нет равенства наций.

Тов. Любченко зачитывает на суде дневник Ефремова в котором еще 17 марта 1926 года он пишет:

„В газете есть сообщение, что в Харькове разрешили издавать частный еврейский журнал. Когда то, кажется, Суворов хотел, чтобы его повесили в (чин) немца. Не просить ли нам, „украинскому правительству“, чтобы нас повесили в (чин) евреев“. И еще в одном месте Ефремов пишет: „Еще о тех выборах в горсовет. Рассказал мне один кустарь... Из 3 тысяч кустарей собрались еле-еле сотня и то одни евреи. Редко увидишь христианскую физиономию. Начали разбирать, почему так мало пришло. Нашли причину: „еврейский праздник“. И везде Ефремов пишет не „еврей“, а „жид“. Эти записи воинствующего антисемитизма, Ефремов, прикидывавшийся ягненком, пытается объяснить, что они были направлены против отдельных лиц, а не против нации и что это просто „анекдоты“, которые „отражали“ настроение обывательской массы, фольклер ее“.

На суде выясняется, что Ефремов имел связи с начальником польской военной контр-разведки и встречался с Юзефским даже в Академии. Ефремов признает, что он также встречался с известными и шумевшими бандитами Ангелом, Лозовиком, Гаевым и другими атаманами.

Тов. Любченко напоминает Ефремову на суде, что Ангел и другие атаманы громили еврейские местечки. „Академик“ Ефремов бормочет:— „Это были случайные встречи“.

Нет! Ефремов, это не „случайные встречи“: Ефремов остался верным последователем Петлюры и его движению.

Михайлик оглашает на суде выдержку из „дневника“ Ефремова, посвященную смерти главного атамана Петлюры.

Вот что он писал 29 мая 1929 г.: „Теперь свинопасы жалеют возмущаются, упрекают — втихомолку в своих углах. Напрасно свинопасы себя не предадут. А когда придет час, то и казаки народятся и наростут и может трагическая смерть единственного казака (Петлюры) тысячу новых народит“.

На заседании президиума СВУ обсуждал вопрос о парижском процессе убийцы Петлюры Шварцбарда и ефремовцы собирались послать своих свидетелей и материалы в защиту Петлюры. На судебном процессе Ефремов упорно защищает Петлюру, заявляя, что он не был погромщиком. Погромщиком было только войско, во главе которого он стоял. И правильно, в Париже на процессе защитник Шварцбарда Анри Торрес в своей речи подчеркнул: „Я готов согласиться с противной стороной, что Петлюра не был главным палачом, нет, он был главным над палачами“.

Вот слова Никовского, характеризующие отношение Петлюры к погромам. „Савинков, отвечая на мой вопрос, как он относится к еврейским погромам, сказал, что погромы он считает одним из способов снабжения армии, ибо евреи говорят, теперь, в период гражданской войны стали наиболее богатым элементом в городах, селах и местечках. Петлюра в этом месте промолчал, не сказал ни слова даже тогда, когда Савинков цинично сказал по моему адресу: „Вы еще молодой человек“.

Антисемитизм являлся одним из главных рычагов работы СВУ. Подсудимый Холодный рассказал суду, как Залесский в 1928 г. заполнял анкету при поступлении на работу в Институт украинского научного слова. „Залесский спрашивает, что писать в графе, где указано, какую общественную работу вел. Я сказал „напиши, сколько ты жидов зарезал“. „О, если так — ответил Залесский — то мой стаж такой большой, что я безусловно буду председателем Института“.

Руководители СВУ были также против изъятия из украинского языка слова „жид“, „кацап“ и т. д.

Павлушков заявил суду, что они „критиковали последнее постановление Укрнауки, которая уничтожила термины „жид“, „кацап“, „москаль“, „хохол“, „малорос“, ибо если их хорошо рассмотреть, то они отнюдь не являются одинаковыми.

А Ефремов в своем известном дневнике еще в 1929 году писал: „В Крыму населяют жидов, чтобы создать базу для автономной жидовской республики. Цинизм неслыханный: ведь на этих землях кто-то живет, кому то захотелось иметь жидовскую республику“.

А Ганцов „профессор“ — филолог, быв. член партии социалистов-федералистов, осуществлял программу СВУ с зарубежной эмиграцией. Ездил в заграничные командировки в

Европу и там встречался с активными петлюровцами—Проккоповичем, Чикаленко, Лотоцким, Дорошенко, Шульгиным. Ганцов мечтал и вел переговоры об интервенции. И этот с позволения сказать „профессор“ был одним из оголтелых погромщиков. Он мечтал о том, чтобы сделать „русско-еврейский погром“.

Вот его слова: „Взяти б усіх жидів і кацапів, посадити їх у вагон та й геть з нашої України“. Ганцов заявляет: „Я хотел вырезать всех жидов и кацапов“. Такова настоящая физиономия руководителей СВУ по национальному вопросу. Ганцов считает себя неверующим в бога, но все же признается, что давал деньги на церковь, а также был „научным консультантом“ „славянской“ черносотенной церкви при переводе „Священного писания“ на украинский язык.

На вопрос, как он относится к фашизму—Ганцов отвечает: „Я считаю себя фашистом, воинствующим националистом“. На другой вопрос—какой вид государства он желал бы создать на Украине—Ганцов признает, что „и монархия была бы не беда, лишь бы украинская. Сегодня—монархия, а через 20 лет—республика“. Как видно „профессор“ Ганцов просто политический проходимец и авантюрист.

Антисемитизм, еврейские и русские погромы, звериный шовинизм—такова программа СВУ по национальному вопросу. В итоге руководитель СВУ Ефремов на вопрос прокурора Ахматова заявил: „Восемь месяцев заключения имели большое значение для меня в смысле самоопределения. Я имел время подвести баланс своим политическим взглядам и принципам. Что касается политической программы—то соввласть—власть трудящихся и значит с этой стороны она для меня целиком принципиально приемлема. В государственно-национальной политике, говорит Ефремов,—национальный вопрос Советская власть разрешила лучше, чем где бы то ни было“.

СВУ и террор

Политический террор, убийства отдельных работников—является одним из орудий борьбы СВУ с советской властью. СВУ производил среди кулацких слоев населения организацию террористических актов против представителей советской власти.

В. Чеховский показывает, что „отношение к террору было свойственным. Принципиально все его осуждали и отбрасывали; фактически же его принимали, как обычное средство борьбы и выражали удовлетворение, если слышали о том или

ином акте... направленном против представителей советской власти“.

Первые террористические акты против партийных и советских работников на Украине готовились в 1926 году после убийства Петлюры в Париже. М. Павлушков — руководитель „Союза Украинской Молодежи“ рассказывает свою беседу с Ефремовым: „Ужасной должна быть месть наций за убийство своего вождя, она должна непосредственно развернуться во всеародное освободительное движение, привлечь путем его — к себе внимание всего культурного мира и помощь ближайших наших соседей и союзников. Волной должны прокатиться убийства коммунистических верховодов в Москве и в Харькове, не менее энергична должна была выявить себя и наша эмиграция, обращая свои покушения против послов и представителей советских“.

Прежде всего ефремовцы собирались уничтожить „сильных волей людей“. „Сталин наш главнейший враг, он держит своей непреодолимой волей всю власть, если-бы его не было, то СССР наверное распался бы и тогда Украина была бы свободной“ (из показаний Дурдуковского). СВУ намечала целый ряд лиц, подлежащих террористическому уничтожению. Называет имена т. т. Сталина, Дзержинского, Ворошилова, Фрунзе, Петровского, Скрыпника, Буденного. Ефремов считал, что путем убийства вождей ВКП(б) „можно вызвать развал партии большевиков и низвержение советской власти“. Дурдуковский рассказывает суду: „Вспоминаю о случае на даче в Звонковой, осенью 1928 года, во время военных маневров в беседе, в которой участвовал я, М. Павлушков и С. Ефремов было высказано сожаление, что у нас, украинцев, среди войска нет никого из своих, героически настроенных, кто бы не пожалел своей жизни и, избрав соответствующий момент, уничтожил Ворошилова“.

М. Павлушков говорил своему товарищу Б. Матушевскому, что он „воспользовался бы приездом тов. Скрыпника и Петровского в Киев, если бы у него в тот момент было бы оружие“.

Ефремов неоднократно намекал Павлушкову на то, что тов. Скрыпника „надо ликвидировать“ в один из приездов его в Киев за его реформу в Академии и чистку вузов. На предварительном следствии С. Ефремов говорил, что в борьбе с советской властью не следует останавливаться ни перед какими репрессивными мерами „хотя при этом пришлось бы для блага народа уничтожить и миллионы коммунистов“. Ефремов на суде вносит поправку „не миллионы коммунистов, а миллион“.

Медицинская секция СВУ обсуждала специально вопрос о том, как относиться к больным коммунистам. Относиться враждебно, вместо оказания медицинской помощи—губить и уничтожать их — таковы директивы медицинского центра. Доктор Барбар заявил: „Большевики жалость не вызывают и врачебной этики не заслуживают“. Кто мог подумать, что есть медицинский террор? Кто мог предполагать, что имеются бандиты во врачебных халатах? Не лечить, а губить, истреблять больных лишь потому, что они пролетарии, коммунисты, вот до чего доходит классовая ненависть представителей буржуазии к пролетариату.

„С большим удивлением вспоминали все мы—говорит Павлушков—поведение врачей, лечивших раненого Ленина. Нас удивляло, что они честно отнеслись к нему, как и ко всякому обычному человеку... По нашему мнению каждый врач, если он только не специалист машина, а человек-гражданин, должен был довершить начатое пулей героини-террористки, тем более, что технически это сделать было чрезвычайно легко и незаметно. . . Профессор Федоров должен был отравить своего страшного пациента. . . тем более, что для этого совсем не требовалось от него никакого самопожертвования, геройства. Его участие в смерти Ленина могло быть целиком незаметно и никому неизвестно“. Принципиальную линию СВУ по вопросу медицинской помощи больным коммунистам можно установить из беседы С. Ефремова, Дурдуковского с Павлушковым. „Во время беседы, происходившей в нашем доме после смерти Ленина, мы обвиняли профессора Федорова за то, что он не „дорезал“ Ленина после известного на него покушения помню, что во время этой беседы — говорит Павлушков — мы высказывали пожелания, чтобы медики использовали свое особое положение и незаметно „помогали умирать“ всяким выдающимся своим пациентам „из коммунистов“ всяким и т. д. . .

Такое откровенное признание руководителей СВУ — замаскированных петлюровских бандитов и погромщиков. Дорезать раненого Ленина, „помогать умирать“ своим пациентам — установка СВУ. Какой позор, какой отвратительный цинизм в этих признаниях, какой зверинный, неслыханный бандитизм у этих с позволения сказать „Академиков“. „Дорезать раненого“, помогать умирать своим пациентам, которые доверяют своим спасителям — врачам — могут только трусы и негодяи. Профессор Киевского Медицинского Института и член Президиума медсекции ВУАН Удовенко на вопрос прокурора Ахматова, считает ли медсекция правильным распространения террора при помощи врачей — ответил, что в определенный момент политической борьбы можно не обра-

щать внимания на врачебную этику по отношению к политическим противникам. Удовенко признает, что в медицине случаев медицинского террора не было.

Председатель. — Вы — профессор, квалифицированный, не знаете ли вы из истории случаев, когда медики считали возможным нарушить врачебную этику.

Удовенко. — Думаю — не было.

Председатель. — Значит это единственный случай жестокой теории был в медицинской секции ВУАН?

Удовенко. — Да.

Павлушков подтверждает, что на заседании медицинской секции говорили, что при лечении коммунистов можно, путем вливания различных химикалий во время операции, уничтожить больных.

Как трусливо и фальшиво на суде звучали лицемерные раскаяния „академика“ бандитизма Ефремова в его показаниях: „к террору как к системе политической борьбы я всегда относился отрицательно, но, к сожалению, я не удержался на этой принципиальной позиции и в последние годы в период СВУ подскользнулся, допустив ошибки, о которых теперь могу только глубоко жалеть“. Ефремов считает, что он только последние годы подскользнулся, „когда он рекомендовал“ „дорезать“ раненого Ленина и „помогать умирать“ больным советским работникам. Каким дегенеративным существом надо быть, „академик“ Ефремов, чтоб не только „резать“ раненых, а чтобы так мыслить! Нет, Ефремов, как и все его друзья, не в „последние годы поскользнулись“. Разве не под руководством Ефремова, Никовского, Петлюры и других украинских „самостийников“ петлюровские банды в Трипольи топили сотнями коммунистов, советских работников и красноармейцев в водах Днепра? Разве не санкционировали ефремовцы житомирский погром, уманскую и проскуровскую резню? Разве Ефремов не инструктировал „национальных героев“, известных погромщиков Зеленого, Ангела, Гаевого, Возного, Струка и других. Нет. Не за последние годы поскользнулись ефремовцы. Украинская контр-революция всегда проповедовала террор, при чем террор, в самых отвратительных формах — погромы, кровавые резни беззащитного населения“.

Дорезать раненых — вот как красочно сам Ефремов характеризовал политическую установку СВУ — являющуюся последовательной принципиальной программой петлюровцев. Жертвы житомирских, уманских и проскуровских погромов, замученные бандами „батьки“ Петлюры и другими национальными героями, „дорезанные раненые — они должны быть разоблачителями лицемерного, жалкого и трусливого вилянья поли-

тического авантюризма Ефремова и всех сторонников „Союза Освобождения Украины“.

Всеукраинская Академия Наук

Всеукраинская Академия Наук являлась верным оплотом контрреволюционной деятельности „Союза Освобождения Украины“. Руководители СВУ рассматривали Академию, как буржуазный „островок в советском море“, куда стекались все контрреволюционные силы. Всеукраинская Академия Наук возникла при гетмане Скоропадском в 1919 году и советской Украине Академия досталась, как организация с активным антисоветским элементом.

Во время гражданской войны и после нее члены ВУАН были связаны с подпольной контр-революционной организацией „БУД“. После разгрома польско-петлюровских отрядов и наступления красных войск „Будовцы“ во главе с Ефремовым стали собирать вокруг Академии распыленный петлюровский актив. 3—4 года с 1920 года по 1924 г. ефремовцы втянули в Академию Наук около 80 членов „БУД'а“, перешедшие потом в СВУ. Ефремов и Никовский сгруппировали возле Академии, куда они оба попали, целую плеяду разных, с позволением сказать, „ученых“ и „научных деятелей“, где и организовали идеологический центр СВУ. Кабинет Вицепрезидента Академии Наук С. Ефремова стал постоянным местом подпольных заседаний „БУД“, а также местом явок для военных шпионов одной из капиталистических государств, повстанческих атаманов, петлюровских зарубежных агентов и всех контрреволюционных сил. Обвиняемый Голянович показывает суду, что „заседания организации происходили в помещении ВУАН (улица Короленко, 54) в кабинете С. Ефремова, во время академической работы или вечером“. Ефремов, пользуясь своим положением, исходатайствовал перед правительством УССР право возвратиться на Украину якобы для „научной работы“ быв. министру иностранных дел петлюровского правительства А. Никовскому. Особняк на Гоголевской ул., № 27 в Киеве, где жил Ефремов, — куда стекались все антисоветские элементы, — стал центром контрреволюционного влияния на ВУАН.

В 1926 году возник СВУ и первая его пятерка возникла в „комиссии словаря живого языка“ при Академии. „Пятерка создана из меня, Андреевской, Ганцова, Голоскевича и Гринченкова (из показаний С. Ефремова). „Комиссия живого слова“ хранила секретные антисоветские документы СВУ, контрреволюционные прокламации, деньги на антисоветскую подрывную работу, на поддержку бандитских отрядов, священ-

нослужителей автокефальной церкви и на сооружения памятника Петлюры. „Огромное влияние, которым пользовались члены СВУ в Всеукраинской Академии Наук, создало такое положение, при котором вопрос о подборе штатов разрешался по сути силами СВУ и лишь потом оформлялся в соответствующих инстанциях ВУАН. Так признался суду С. Ефремов. При научных кафедрах для подготовки к научной работе вербовались кадры, которые соответствовали политическим взглядам и установкам СВУ. Вопросам подбора и подготовки кадров занимался специально член СВУ профессор И. Гермайзе, руководивший нелегальным научным кружком „Молодая Академия“. М. Павлушков заявляет, что главная задача „Молодой Академии“ состояла в том, чтобы быть щитом для старых безнадежных в советском смысле руководителей ВУАН в антисоветской их деятельности“. „Молодая Академия“ была замаскирована, как советская организация молодых научных работников, стоящая якобы на советской основе и проводившая марксистские взгляды, фактически эта организация проводила идеи СВУ там... где руководителем ее проникнуть уже никак нельзя было. Представители этой „Молодой Академии“ должны были проводить и там необходимую для их руководителей вредительскую и противогосударственную работу (М. Павлушков).

„Молодая Академия“ использовала месткомы, культкомы и другие советские организации. Когда советская общественность хотела влить в состав академии Наук несколько профессоров марксистов, избрание академиками т. т. Затонского, Шлихтера и др., реформа в Академии, все это было „Встречено, как покушение на Академию“. Боязнь контроля Наркомпроса и советской общественности заставила академиков, членов СВУ, бойкотировать новых кандидатов в Академию и распространить клеветнические слухи якобы „Советская власть хочет уничтожить Академию“.

Институт украинского научного языка являлся филиалом СВУ и во главе его стоял надежный петлюровец Г. Холодный, который также подбирал научных сотрудников, имеющих контрреволюционные заслуги и антисоветские взгляды. В этом институте возникла известная организация — филиал СВУ — „ИНАРАК“. Кроме антисоветской работы, члены СВУ еще занимались политическим хулиганством. Залесский, быв. член партии украинских социалистов-федералистов, преподаватель первой Киевской трудовой школы рассказывал суду, как Холодный быв. научный сотрудник ВУАН, лектор Киевского ИНО, хвастался перед Залесским, тем, что он обрызгал в Чернигове памятник Ленина чернилами.

Академия направляла своих людей в научные командировки за границу с целью получения необходимых сведений от зарубежного петлюровского центра, связи с ним, получения необходимых директив, указаний и т. д. Один из членов СВУ Ганцов, будучи за границей в „научной командировке“, прекрасно выполнил задание Ефремова. Эмигрант Лотоцкий через Ганцова предлагал усилить свою работу. „Пусть та организация, которая создавалась в Киеве (т. е. СВУ) усиливает и ширит свою деятельность“. Другой петлюровец Чикаленко беседовал с Ганцовым, как переслать петлюровскую литературу на Украину, которая издается за границей. Чикаленко считал необходимым переслать эту литературу обыкновенной почтой на адреса всех украинских учреждений, начиная от центральных и кончая сельсоветами. Чикаленко предлагал также „использовать для антисоветской пропаганды радио, установив станцию на территории соседней с СССР“. Ганцов также имел свидание с председателем Совета министров зарубежной петлюровщины. Обсуждался вопрос о том, что „внутренняя эмиграция“ должна помочь заграничной эмиграции деньгами на предмет организации и „издание украинского политического органа за границей“. Ефремов этой „научной командировкой“ Ганцова остался очень доволен, так как Ганцов привез из-за границы по словам Ефремова „очень ценный и важный материал“.

Общественный обвинитель тов. Любченко интересуется состоянием украинской интеллигенции в Польше, где, по мнению Лотоцкого и СВУ эта интеллигенция находится в хороших „условиях“. Оглашаются показания Ганцова на предварительном следствии, где он заявил: „Поляки избегают пускать украинскую интеллигенцию в среду украинского населения“. Ганцов на суде подтверждает, что украинцы в Польше преследуются, интеллигенция украинская переживает национальные угнетения и в итоге сознает, что при интервенции на Советской Украине положение украинцев не будет лучше.

Академия Наук являлась местом явки польских шпионов. На вопрос прокурора Якимовича—имел ли БУД связь с польской контрразведкой и шпионами,—Голоскевич приводит несколько фактов, подтверждающих связь БУД с шпионами: „один раз—рассказывает Голоскевич—ко мне пришел заграничный агент в форме красноармейца, показал зашитую в шинели полотнянку с военной печатью и заявил, что он прибыл из Варшавы.“

Через неделю Голоскевич встретил этого шпиона у Академии Наук, который, выполнив свое задание, собирался ехать обратно за границу.

Якамишин — А скажите, куда этот человек впервые пришел к вам?

Голоскевич — В Академию Наук.

Якамишин — Можно ли считать, что Академия была явкой для шпионов?

Голоскевич — Фактически, так выходит.

Далее Голоскевич рассказывает, как к нему в 1922 году явился с нелегальным паспортом брат его жены, Подгорский, находившийся в школе старшин украинской армии, организованной на территории Польши. Подгорский имел определенное задание из заграницы. Голоскевич хотел этого шпиона даже устроить в Академии.

Прокурор Якамишин на судебном процессе освещает весьма интересный и позорный момент с главным редактором украинского словаря академика Крымского. Голоскевич заявляет суду, что в феврале 1928 года на одном из заседаний комиссии украиноведения он подчеркнул необходимость скорейшего издания словаря по примеру Белорусской Академии. На что академик Крымский ответил: „А кто знает что будет весной“? На заседаниях комиссии с представителями Наркомпроса Крымский, ссылаясь на недостаток средств, заявил: „Денег дай — успеха ожидай“.

В то же самое время эта комиссия расходовала средства для оказания помощи заключенному Дерешку — бывшему атаману бандитской шайки: на ремонт автокефальной церкви и на памятник Петлюре.

Медицинская секция Академии Наук также была превращена в ячейку СВУ. О контрреволюционной работе медсекции рассказывали подробно суду ее руководители: проф. Черняховский, М. Кудрицкий, В. Подгоецкий, П. Удовенко и особенно доктор Барбар. Барбар, быв. научный сотрудник ВУАН, лектор Киевского Мединститута, быв. член партии украинских социал-демократов. При Гетмане Барбар был „директором Медицинского департамента“ министерства здравоохранения. При Деникине он был председателем управления Красного Креста. В 1917 году — Барбар — кандидат в члены „Центральной Рады“ от украинских социал-демократов. Во время польской оккупации Барбар был комиссаром военно-санитарного управления Киева. Барбар также работал в 1917 году во „Всеукраинском союзе врачей“. За все время идеология всего состава медицинской секции была близка к „унровской платформе“. Барбар сам признает, что после ликвидации польско-петлюровской авантюры, оставшись в Киеве, он „чувствовал себя беспокойно, имея скомпрометированную репутацию“.

Барбар рассказывает, что медсекция для отвода глаз имела два президиума — легальный, который проводил деловую работу; заседания этого президиума он, как и другие, никогда не посещал потому, что „заседания этого президиума были не интересны“ из контр-революционных соображений. Заседание нелегального президиума, который проводил контрреволюционную работу, посещал и работал активно. Для того, чтобы удобнее и замаскированное работать, этот конспиративный президиум создал целый ряд фиктивных комиссий, которые входя в состав медицинской секции и носили название „пленум“. Вот те фиктивные комиссии, которые перечислялись на суде Барбаром: терминологическая, санитарно-гигиеническая, библиотечная, методологическая и рентгенологическая. Задача медсекции — вовлекать в свои ряды сельских врачей. Установка медсекции — воспитать врача-контрреволюционера, вредителя, который бы собрал вокруг себя все кулацкие элементы и являлся бы верным представителем СВУ на селе.

„Научно-педагогическое товарищество“ при ВУАН являлось орудием контрреволюционного влияния СВУ на некоторые круги учительства.

Товарищество — показывает суду В. Дога — по основному пункту своего устава должно было „содействовать научной работе работников просвещения и распространять знания в области научной педагогики... На самом деле товарищество должно было создать в Киеве при Академии Наук центр педагогической мысли и действия против такого-же центра, суто-советского, который создавался в Харькове (Наркомпрос, научное товарищество с педагогическим отделом, Институт научной педагогики при Наркомпросе и т. д.). Товарищество должно было также на случай падения Советской власти подготовить необходимые учительские кадры для украинской буржуазной республики. Руководителями товарищества были: Дурдуковский, Дога, Иваныця, Подгаецкий. Основная база товарищества — первая Киевская трудовая школа им. Шевченко, во главе которой стоял Дурдуковский. Вредительская деятельность СВУ через ВУАН распространяется и на издательское дело, для того, чтобы развернуть выпуск контрреволюционной литературы. Еще в 1922 г. БУД организует издательство „Слово“, во главе которого находится Голоскевич. Посредством Никовского, Ефремова, Черняховского и Старицкой СВУ был связан с издательствами „Час“, „Сяйво“, пытались проникнуть в аппарат „Книгоспилки“ и даже Госиздата Украины.

Л. Старицкая-Черняховская руководила литературными кружками писателей. Организовать антисоветски настроенных

писателей, использовать их в контрреволюционных целях, сорвать культурно-начинаемое строительство — такова задача литературной группы СВУ. Писатель М. Ивченко перед судом заявил: „Я строил свои произведения таким образом, что они изображали советскую жизнь с отрицательной стороны, придавали ей отрицательную черту, не органические ей, а полностью случайные, подавал факты так, что в них затупевывались основные, перспективные линии советского строительства... Разумея всю силу и значение печатного слова, я пользовался этой силой во вред советской власти, организуя читателя против советской власти“. А в дальнейшем, характеризуя Киевскую группу писателей неоклассиков, Ивченко подчеркивает, что „группа эта в прошлом представляла достаточно сильную консервативную и идеологически антисоветскую крепость, которая вредила росту пролетарской литературы, но „очень часто сбивала неустойчивую и шаткую вузовскую молодежь на антисоветские позиции“. Таковы откровенные признания вредителя на литературном и культурном фронте, использовавшего советскую печать в контрреволюционных целях.

Всеукраинская Академия Наук являлась, по выражению членов СВУ, „островком в советском море“. Гермайзе считает, что „люди чувствовали себя в Академии изолированными от суровой диктатуры пролетариата и тот политический и антисоветский шопот и брюзжание, которые давно уже выветрились из других учреждений, здесь процветали буйным цветом. Это... оправдывалось тем, что Академия — научное учреждение, а для научных учреждений советский закон не писан и не нужен“.

Да, очевидно „для научных учреждений закон не писан и не нужен“ и поэтому „научные“ люди типа Гермайзе могли свободно, в течение ряда лет заниматься контрреволюционной работой.

„Союз Украинской Молодежи“

„Союз Украинской Молодежи“ является террористической организацией, действовавшей под непосредственным руководством Ефремова и СВУ. Во главе СУМ'а находился студент Киевского ИНО, сын священника, племянник Ефремова — Павлушков. Отец Павлушкова был в свое время приговорен к трем годам лишения свободы за контрреволюционную работу и скрывание церковных ценностей. На вопрос прокурора Михайлика о программе СУМ, Павлушков заявляет, что „основным положением нашей программы было

освобождение Украины от советской власти и установление буржуазной парламентской власти". Павлушков рассказывает суду, что СУМ строил всю свою работу с ориентацией на международные трудности и осложнения в Советском Союзе, используя для своих контрреволюционных целей возможную войну, чтобы поднять восстание внутри страны, надеясь на помощь интервенции.

Основным активом СУМ'а на селе является кулацкая молодежь. В селах СУМ организовывал ячейки кулацкой молодежи. По поводу террора организация, по показаниям Павлушкова, имела два течения. Часть членов Центрального бюро СУМ считала, что организация должна совершать террористические акты против членов правительства. Другая часть членов считала необходимым совершать покушения на местных советских работников. Руководить террористическими актами должна была центральная тройка. Совершать террористические акты должны были члены союза по жеребьевке. Павлушков сообщает, что на другой день, после смерти Ленина, Ефремов и Дурдуковский говорили, что было бы полезно уничтожить 10—15 наиболее видных деятелей партии и, таким образом, можно развалить партию, считая, что смерть Ленина очень подходящий момент для осуществления террористических актов. Этот вопрос обсуждался и на заседании пятерки СУМ. Павлушков считал, что убийство каждого коммуниста есть достижение. И что нужно распространить круг террористической деятельности также на комсомольцев и пионеров. Член суда т. Волков спрашивает Павлушкова: „не было ли попыток осуществить террористические акты против комсомольцев“? Павлушков отвечает: — „Были, но случайно, не удались“. Павлушков рассказывает, что во время чистки студентов, Ефремов удивлялся, почему студенты „не решаются уничтожить несколько лиц, проводящих чистку“. А на предварительном следствии Павлушков откровенно заявил, что Ефремов говорил: „неужели нет юношей, которые уничтожили бы несколько нахальных студентов, если нельзя добраться до наркомов“.

Когда был убит в Польше советский полпред тов. Войков, белогвардейца Каверду Ефремов ставил, как „героя“ в пример украинской молодежи. Ефремов, Дурдуковский и Павлушков инструктировали СУМ о дальнейших террористических актах. Для этой цели Ефремов советовал и усиленно рекомендовал молодежи „изучать военное дело“. А Дурдуковский отчаивался, что „современная молодежь ни к чему не способна и нет таких пылких юношей, как убийцы палачей народа Боголепова, Плеве и Столыпина“.

Лично Ефремов мечтал о тех временах когда можно будет поголовно уничтожить всех большевиков на Украине, в СССР и во всем мире.

По мысли Ефремова, надо было истребить вообще все, что только пахло реальным коммунизмом, прежде всего, — объединенных вокруг Коминтерна, не ограничиваясь самыми „отечественными“ большевиками. Правда, операция эта должна быть ужасна, ибо должна охватить собой почти миллион человек во всем мире. Но все же, если учесть тот вред, который может причинить этот миллион — полуторамиллиардному человечеству, а также незначительно сравнительный процент, предназначенный к истреблению, то надо признать, что и это будет не такая уже дорогая цена для обеспечения нормального развития человечества. (Из показаний М. Павлушкова).

Идея организации СУМ принадлежит Ефремову, который считал, что принять в конспиративную организацию СВУ малоопытных к конспирации студентов несколько опасно для СВУ. „Они неопытны — говорит Ефремов — в вопросах конспирации и потому могут легко провалить организацию. Поэтому собрание постановило молодежь в организацию СВУ не брать“. Другой организатор СУМ'а Матушевский, также сын священника, рассказывал суду, как вместе с Павлушковым принимал участие в организации панихиды по Петлюре в Киевском Софийском соборе. Он написал стихотворение на смерть Петлюры и вместе с другими членами СУМ распространял литературу о Петлюре и против советской власти. СУМ был также погромной и антисемитской организацией. Матушевский восторгался Ангелом, известным украинским бандитом, и считает его „партизаном“, боровшимся за освобождение Украины. О погромах, убийствах коммунистов, незащищенного и беззащитного населения, совершенных Ангелом и др. „атаманами“ — Матушевский „ничего не знал“.

По отношению к евреям установку „Союза Украинской Молодежи“ Матушевский характеризует следующими словами: „соглашались с тем, что евреи должны быть лишены права занимать государственные должности, а также, что для них должна быть установлена норма при поступлении в ВУЗ'ы“.

На суде Матушевский заявил, что он от своих прежних взглядов на Петлюру и петлюровщину „целиком отказывается“. Что касается погромов, то Матушевский подчеркнул: „Ніхто не висловлювався категорично, що потрібний погром, але ж казали, що, й коли трошки й погромлять, то нічого поганого з цього не буде...“ Эти слова весьма ярко характеризуют погромную физиономию „Союза Украинской Молодежи“. И не даром на вопрос прокурора тов. Михайлика. — Как вы квали-

фицируете теперь СУМ? Павлушков категорически заявил: „СУМ—это контрреволюционная боевая фашистская организация“.

Парижский процесс убийцы Петлюры

25 мая 1926 г. в Париже выстрелом из револьвера был убит главный атаман Петлюра. Убийство было совершено Шварцбардом, как месть за еврейские погромы, устраиваемые петлюровцами. У Шварцбарда от петлюровских погромов убито четырнадцать родственников. Шварцбард родился в Смоленске. Во время империалистической войны служил в иностранном легионе на французском фронте. Будучи ранен, он вернулся к себе на родину и жил на Украине, где Шварцбард был свидетелем многочисленных еврейских погромов и убийств мирных, незащитных жителей. Возвратившись во Францию, он принимает французское подданство, занимается часовым делом. Попутно он глубоко изучает погромное движение и подготавливает книжку о погромах на Украине. Постепенно он приходит к выводу, что наиболее ответственным за погромы на Украине является Петлюра и решает отомстить ему за всех невинно погибших от петлюровских погромов. Реакционные круги хотели использовать убийство Петлюры и Парижский судебный процесс, как очередное орудие борьбы с Советским Союзом и коммунистическим движением. К судебному процессу реакционные круги готовились чуть ли не целый год. Обвинителем на процессе выступил известный французский реакционер, лютей враг Советского Союза, прокурор Рейно. На процесс в Париж съехались заинтересованные лица из Нью-Йорка, Лондона, Берлина и Варшавы. Парижская эмигрантская газета „Последние новости“ отмечает, что такого возбуждения, оживления, беспорядка и напора стены „Дворца правосудия“ давно не видели:— „разве только в дни самых сенсационных политических процессов“. А сторожилы говорили, что „Ничего подобного не было со времени процесса Дрейфуса“. Далеко не всем корреспондентам—представителям печати удалось проникнуть в судебный зал, ибо поступило около 500 с лишним заявок на корреспондентские места иностранных газет Европы, Азии и обеих Америк. Была устроена специальная телеграфная служба для иностранных газет.

Свидетелями обвинения были вызваны весь „цвет“ украинской эмиграции. Прокопович (премьер-министр Петлюровского правительства), А. Шульгин (мининдел), Токаржевский-Корошевич, Мазепа, Винниченко, Шаповал, Мартос (министр финансов УНР), Славинский (б. редактор „Вестника Европы“), Шу-

мяцкий (председ. Украинской организации в Париже), атаман Удовиченко, Петров (бывш. комендант Житомира и военный министр директории) и др. Свидетелями защиты были вызваны крупнейшие французские писатели: Эрмонт Флег, Андре Пир, Северин, Бернар Лекаш, Скульптор Аронсон и др. Политические деятели: Леон Блюм, Фросар, Лонгэ, Моризо, Гюи-де-Монзи, Камил Эймор (редактор французской газеты „Либертэ“), Альберт Тома (председатель Института труда Лиги нации), известный физик, профессор Сорбонны, Лонжевен, Вице-президент „Лиги прав человека и гражданина“; знаменитый ученый Альберт Эйнштейн, Максим Горький и др.

На процессе развернулась ожесточенная борьба между реакционными кругами и либерально-социалистическими. Обвинительный акт на протяжении многих страниц излагает точку зрения обвинения, которое чрезвычайно односторонне не признает Петлюру ответственным за погромы, происходившие на Украине. „Сам Петлюра пишет обвинительный акт—не только не был антисемитом, но был даже филосемитом, любящим еврейский народ. Украинское национальное движение и Петлюра в том числе стремилось к сближению и примирению с евреями. . . Директория и Петлюра принимали даже меры против погромов, которые происходили стихийно и в которых повинны не только украинцы, т. е. петлюровцы, но и деникинцы и большевики“. Ян.-Такори—Токаржевский Корошевич, петлюровский мининдел, произведенный социал-демократом Петлюрой в князья, доказывал Парижскому суду, что лично головной атаман был человеком, которого боготворили и правые и левые: „Мы считали для себя обязательным быть корректными по отношению ко всему населению, ко всем национальностям, ко всем партиям, к левым и к монархистам. Ясно, что той политики мы держались и в отношении евреев. Это наш моральный принцип, который не подлежит оспариванию“. На вопрос защитника Петлюры Вильма: „Был ли популярен Петлюра на Украине“, Токаржевский-Корошевич отвечает: „Вся Украина была в негодовании и трауре, когда узнала о его трагической смерти“. Токаржевский забыл упомянуть о какой Украине речь идет, видимо, о зарубежной, эмигрантской украинской контрреволюции, которая была „в негодовании и трауре“.

На вопрос защитника Шварцбарда Анри Торреса: „Что предпринимал Петлюра, чтобы предотвратить погромы“, Токаржевский отвечает, что он выпустил воззвание к армии и населению, в котором осуждает погромы и призывает к борьбе с ними.

„Стало быть, если верховная власть выпускает воззвание—говорит Торрес—то она снимает, по вашему, с себя ответ-

ственность". Токаржевский молчит. Торрес подчеркивает, что „нужны не прокламации, а действия, Петлюра был высшим авторитетом на Украине, вы сами утверждали, что пользовался „любовью и уважением“, он был абсолютный самодержец. Что он сделал, чтобы предотвратить погромы. Кроме нескольких прокламаций, которые нужны были для вида, особенно перед Европой...“.

На суде было подчеркнуто все время и прокурором и Украинской эмиграцией, что Шварцбард убил Петлюру по заданию Коминтерна и ЧК. На суде оглашается письмо эсера Добковского, проходимца и авантюриста, в котором он пишет, что III Интернационал создал якобы за границей тайный комитет, задачи которого—уничтожение ненавистных коммунистам общественных деятелей и главарей анти-большевистского движения. В первую очередь этот комитет постановил убить В. Л. Бурцева, Мильерана, Пуанкаре и С. В. Петлюру. Убийство Петлюры было совершено членом этого комитета Шварцбардом.

А. Шульгин в своих показаниях заявляет, что собирается защищать добрую память „Петлюры, отныне принадлежащую истории“ (?) и обвинять Шварцбарда „чекиста“, на жаловании Москвы. По его глубокому убеждению Шварцбард—большевистский агент. То, что он еврей, это случайное обстоятельство. Он не анархист. Он агент чека. Роль его проста и ясна.

Между Торресом и Шульгиным происходит сильная перепалка. Торрес требует, настаивает, чтобы Шульгин подтвердил свои голословные показания, что Шварцбард большевик и агент ЧК. Разумеется, что Шульгин ничем эту версию не мог подтвердить. Да будет известно Шульгиным, что Коммунистический Интернационал в принципе не признает индивидуального террора, как меру политической борьбы. Большевики признают только организованную классовую борьбу. Даже эмигрантские газеты Керенского и Милюкова подчеркивали, что версия Добковского-Шульгина безнадежно провалилась и что никакого отношения Шварцбард к коммунистическому движению не имеет. По поводу версии Добковского-Шульгина Торрес заявляет суду: „В этом деле такое изобилие прохвостов, жуликов, мошенников, что если бы прокурор захотел выслушать их показания, то нам никогда не удалось бы кончить“.

Защитник Петлюры Вильм в своей речи также подчеркивает, что убийство—дело рук большевиков. Дата убийства Петлюры совпадает с приходом в Польшу к власти Пилсудского. Большевики имели все основания бояться Петлюры, т. к. предполагалось, что начнется деятельность Петлюры, как союзника Пилсудского. Двух этих людей большевикам надо было устранить в первую очередь. У Чичерина в Москве состоялось

секретное совещание, на котором решено было начать террористические акты за границей. Первый пал Петлюра... Прибегая к демагогическим и клеветническим мерам защиты Вильм восклицает: „Помните, что два года назад большевики организовали повсюду за границей ячейки личного террора против антибольшевистских вождей“. Это фантастическое измышление никакого впечатления не произвело. К концу речи Вильм впадает в полное противоречие, отрицая участие Петлюры в погромах, он впоследствии признает, что „Петлюра был лишь эпизодом в непрерывной ленте кровавого кошмара“.

В своей речи Вильм столько безнадежно путал, что газета „Дни“ вынуждена была констатировать, что, в своем пафосе пронизательного трагика Вильм курьезно оговаривался, что даже о Чичерине он говорил — атаман Чичерин.

Речь гражданского истца семьи Петлюры адвоката Кампинчи, выступающего во всех антисоветских процессах, была построена на разжигании национального антагонизма и он подчеркнул, что Шварцбард убил Петлюру не как „палача, а как вождя политического национально-освободительного движения“.

Защитник Шварцбарда Анри Торрес в своей речи отметил, что Петлюра не на народной армии строил освобождение Украины, а на темных элементах и бандитах, звавших его „нашим батькой“ и „вождем“, на Семосенках, Палиенках, Ангелах и других, грабивших и убивавших беззащитное население.

Как известно, Анри Торрес отказался от допроса свидетелей защиты, настолько петлюровщина была разоблачена и опорочена самими свидетелями обвинения, самой украинской эмиграцией. На суде ярко выявилась преступная физиономия петлюровщины во время господства на Украине. Версия, что Шварцбард агент ЧК и Коминтерна позорно провалилась.

Корреспондент парижского журнала „Notre Union“ (Наш Союз) считает, что „в Поле-де-Жюстис нет дела Шварцбарда. На скамье подсудимых, в маленьком душном зале Дворца Правосудия, огромная кровавая тень Петлюры затмила собой шуплое тело маленького часовщика с бульвара Менильмонтан. Нет суда над Шварцбардом, есть суд над героями Проскурова и Житомира и сотен других еврейских городов и местечек, где тысячи детских трупов оказались брошенными на улицах рядом с телами умерщвленных матерей, замученных дедов, изнасилованных сестер. Есть суд над одной из страшнейших страниц истории, страны, прошедшей в своем стремлении обрести настоящую свободу и подлинную независимость через ад произвола, убийств и грабежа“.

Шварцбард был Парижским судом оправдан. И несмотря на то, что реакционные круги готовились к процессу, пре-

вратить процесс в орудие борьбы с СССР и Коминтерном никак не удалось. Оправдание Шварцбарда есть осуждение петлюровщины. Петлюровщина, как агентура западно-европейского империализма, была использована и реакционной Францией, которая знала и молчала, т. к. Петлюра творил дело империализма и боролся с Советским Союзом.

А использовавши петлюровщину можно и нужно было на Парижском процессе ее осудить; тем более, когда развернулись жуткие и позорные картины этого периода на Украине.

Осудить Шварцбарда—значит оправдать погромы. А оправдать погромы, как стратегию борьбы, пожалуй, и парижскому суду и французской юстиции и даже реакционному господству Франции было весьма опасно. Отказаться от своего окровавленного и скомпрометированного агента—такова была необходимая политическая установка во время процесса, принявшего мировой характер. Другого выхода не было. Такова логика империализма.

Два приговора

(Париж — Харьков)

Украинская эмиграция великодушно понимала, что если Шварцбард будет оправдан, то само собой разумеется будет осуждено петлюровское движение на Украине, будет осуждена украинская контрреволюция. Оправдание Шварцбарда опозорит украинскую эмиграцию и нанесет в Европе большой ущерб украинскому национальному движению.

Бороться за осуждение Шварцбарда являлось задачей существования всей украинской эмиграции. И вот почему инстинкт самосохранения продиктовал петлюровцам необходимость заявить суду, что Шварцбард большевик, агент ЧК и Коминтерна. Опорочить Шварцбарда, пугать французских обывателей ненавистным красным большевизмом и этим добиться осуждения Шварцбарда. Ведь Кампинчи в своей речи подчеркнул, что неважно, пусть Шварцбард уйдет из суда освобожденным, но только не оправданный. Но империализм осудит свою агентуру, да иначе быть не могло. Шварцбард был оправдан. Петлюровщина была осуждена. Украинская контрреволюция подавлена и опозорена. Петлюровщина была осуждена не только французским судом, не только либеральным общественным мнением Западной Европы и Америки, но даже враждебно настроенная к СССР и Коминтерну белоэмигрантская печать вынуждена была осудить свою союзницу в борьбе против Советского Союза.

„Дни“ Керенского, „Последние новости“ Милюкова, „Социалистический Вестник“, не говоря уже об иностранной печати,—все резко и весьма враждебно осудили петлюровщину. Даже такая белогвардейская газета, как „Возрождение“ Семёнова, которая особенно клеветает на Советский Союз, в своей статье и приговоре пишет: Сейчас же мы можем сказать, что это была в полном смысле слова, каинова эпоха и, что с „петлюровщиной“ связаны были не только еврейские погромы, но и русский погром. Погром русской культуры, оплевание русской истории, поношение русского имени. Тысячи русских могил, тысячи русских сирот, тысячи заплаканных русских глаз — вот что принесли с собой те „социал-гайдамаки“, которые шли за Петлюрой под знаменем „самостийности“.

А „Дни“ Керенского пишут: „Воинствующий национализм и политический авантюризм — от немцев к Антанте, от Антанты к полякам и т. д. — харак теризующий „Петлюровщину“ ответствен политически и морально за еврейские погромы“.

А во время Харьковского процесса СВУ вся эта зарубежная печать, нападавшая раньше так враждебно на петлюровцев, подняла неслыханный крик, что большевики терроризируют „цвет“ украинской интеллигенции и взяли их под свою защиту.

Процесс СВУ нанес украинской контрреволюции уничтожающий удар, сокрушительное поражение. Откровенные показанные показания руководителей СВУ, их разоблачения поставили петлюровскую эмиграцию и европейский империализм в катастрофическое положение. Буржуазная Европа ждала смертных приговоров, кричала „о красном терроре“. Но пролетарский суд обошелся без „красного террора“, ибо для Советской Украины раскаявшиеся политические трупы не опасны. В приговоре указывается, что контрреволюционная деятельность „СВУ“ доказана.

Материалы предварительного и судебного следствия с исчерпывающей полнотой показали, что СВУ ставил своим заданием свергнуть советскую власть на Украине путем восстания, оторвать Украину от Советского Союза с помощью интервенции и реставрировать на Украине буржуазный строй. Главной задачей СВУ, говорится в приговоре, — было уничтожение всех завоеваний Октября и превращение Советской Украины в аграрную колонию западно-европейского капитализма. Хотя целый ряд подсудимых, как Ефремов, Чеховский, Никовский и заслуживают за свою контрреволюционную работу высшую меру социальной защиты (расстрел), однако, суд нашел возможным не применять эту меру, ввиду их полного раскаяния и заменить лишением свободы со строгой изоляцией на 10 лет с поражением в правах на 5 лет.

Остальные обвиняемые осуждены на разные сроки.

Процесс СВУ должен раскрыть глаза многим колеблющимся и шатающимся элементам из интеллигенции и особенно из крестьянства на подлинное лицо кулацкой контрреволюции.

Чеховский в своем последнем слове заявил пролетарскому суду: „Я осудил работу всех украинских национальных партий, под влиянием которых я находился. Я признаю, что герой Украинской контрреволюции—Петлюра служил не освобождению, а угнетению Украины.

Я осуждаю все контрреволюционное направление деятельности и идеологии БУД и СВУ, осуждаю окончательно и свое участие в этих организациях. Я осуждаю свою преступную, вредную политическую деятельность в автокефальной церкви. Так говорит моя свободная сознательность и мое убеждение. Я прихожу к дверям Советской республики и прошу не закрывать мне дверей к труду. Я прошу суд дать мне возможность работать на пользу социалистического строительства, загладить свою вину“.

А Ефремов все время на суде, как и на предварительном следствии, каялся, разоблачая всю свою прошлую деятельность.

В последнем слове он заявил:

„Во время суда для меня целиком стала ясна моя вина. Более того, без меня самого этого дела не было бы. Судебное следствие окончательно показало мне, что большинство подсудимых, хороших в своей сфере работников, мало сознательные люди, обыватели в политике, политические младенцы и только потому пошли на контрреволюционную работу, свернули с тропинки своих профессиональных обязанностей, что верили в мой авторитет. Субъективно для меня это самый тяжелый момент дела. Признавая полностью мою вину, я прошу Верховный Суд ответить мне полной мерой, но прошу принять во внимание, что мои товарищи тут публично обещают дальнейшей работой на пользу трудящихся искупить свои ошибки. Им нужно верить, ибо к прошлому, как у них, так и у меня не может быть возврата“.

Никовский в своем слове повторил, что он признает свою работу и СВУ контрреволюционной.

„Вина моя заключается в том,—говорит он, что гнилостность контрреволюции и беспочвенность грез украинской буржуазной интеллигенции я видел давно. Моя вина также в том, что понимая это, я не имел активности переубедить в этом моих товарищей и самому порвать с контрреволюцией“.

Павлушков заявляет, что он принимает на себя ответственность за все совершенное „Союзом Украинской Молодежи“.

„Я полностью—говорит он—признаю свою вину. Сознательно я никогда не был врагом своего народа, но признаю, что неосознанно, объективно выполнял роль враждебной ему силы. Не входя ни в какие конфликты со своей совестью, я совершенно искренно осуждаю свою преступную деятельность“.

Последнее слово Павлушкова направлено к украинской молодежи: „Среди вас могут еще найтись в закоулках отдельные дезориентированные единицы, которые могут пойти тем путем, какой привел нас к скамье подсудимых. Пусть эти дезориентированные юноши хорошо взвешают опыт этого процесса, пусть они поверят мне, что путь, которым мы шли, ведет не вперед, а назад“.

Дурдуковский в своем последнем слове заявляет: „Моя вина ясна. Я признаю. Тут несколько раз называли меня политическим трупом. Такая политическая смерть не пугает меня, потому что никогда политическим деятелем я не был. Я не только вредительствовал, 30 лет моей жизни я отдал школе. Меня мучит смерть педагогическая, смерть как учителя“.

Обращаясь к своей школе (первой Киевской школе им. Шевченко), подсудимый просит, чтобы она простила его, своего „неразумного, ослепленного руководителя“ за то, что он „посадил ее на скамью подсудимых“. Дурдуковский просит своих бывш. учеников и среди них тех, кто сидит на скамье подсудимых, простить его за то, что он их погубил, и призывает их „пойти к новой жизни“. „Родной край, родные рабочие люди, простите меня за то, что я хотел надеть на вас ярмо, поработить вас“.

Он просит пролетариат и советскую власть простить его.

„Виноват, целиком виноват—заканчивает Дурдуковский,—признаю полностью свою вину и отдаю себя в руки справедливого пролетарского суда“.

В таком же духе высказались обвиняемые: Ганцов, Старицкая, Холодный, Барбар, Черняховский, Удовенко и др. Все они признают и осуждают свою контрреволюционную работу, раскаиваются и просят суд дать им возможность честной работой искупить свою глубокою вину перед трудящимися.

Процесс СВУ является безусловно одним из главных этапов окончательного развала украинской контрреволюции и сокрушительным ударом по планам империалистов, которые мечтали реставрировать на Украине вооруженным восстанием и интервенцией капиталистический строй. Процесс СВУ окончательно ликвидирует на Украине контрреволюционную ефремовщину, как идеологического последователя петлюровщины.